КЪ ВОПРОСУ
О ФИНЛЯНДСКОЙ АВТОНОМІИ
И
ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ.

ОЧЕРКИ

Н. Д. Сергѣевскаго

заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1902.

КЪ ВОПРОСУ
О ФИНЛЯНДСКОЙ АВТОНОМІИ
И
ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ.

ОЧЕРКИ

Н. Д. Сергѣевскаго

заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящіе очерки заключаютъ въ себѣ краткое, въ самой общедоступной формѣ, разъясненіе вопроса о такъ называемой финляндской «конституціи» и финляндскихъ «основныхъ» законахъ, въ связи съ узаконеніемъ 3 Февраля 1899 года, о порядкѣ изданія общегосударственныхъ, для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, законовъ.

Мы не имѣемъ въ виду вступать въ полемику съ тѣми финляндскими публицистами, которые отстаиваютъ государственную обособленность Финляндіи и возбуждаютъ въ населеніи враждебное отношеніе къ Россіи. Мы думаемъ, что ихъ ни въ чемъ убѣдить и ничего имъ доказать невозможно. Наша цѣль— представить русской читающей публикѣ посильное разъясненіе главнѣйшихъ моментовъ, такъ называемаго, «финляндскаго вопроса», т. е. вопроса о публично-правовомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Россійскаго государства. Русскій образованный человѣкъ, думается намъ, долженъ отчетливо представлять себѣ содержаніе этого вопроса; долженъ знать, что это есть вопросъ исключительно политическій, не имѣющій отношенія къ національно-духовной самобытности

финской націи, насколько такая самобытность выражается въ разговорномъ и литературномъ языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ и вообще въ культурѣ финляндскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ—что это есть вопросъ, разрѣшеніе котораго въ русскомъ смыслѣ не заключаетъ въ себѣ никакого посягательства на то внѣшнее благоустройство, котораго достигла Финляндія подъ защитою Русской Державы, послѣ долгихъ лѣтъ разоренія и военныхъ невзгодъ въ періодѣ шведскаго владычества.

Исторія завоеванія Финляндіи, взаимныя отношенія Россіи, Швеціи и Финляндіи въ предшествующую эпоху, пріемы русскаго управленія Финляндіей до и послѣ шестидесятыхъ годовъ, образованіе въ Финляндіи и дѣятельность партіи, враждебной единенію съ Россіей (свекоманы), образованіе и программы партій старо-финской и ново-финской,—все это имѣетъ свою литературу въ трудахъ Михайловскаго-Данилевскаго, Ордина, Еленева, Коркунова, Даніельсона, Германсона, Мехелина, Михайлова и др. *). Сообразно поставленной цѣли, мы ограничимся лишь тѣми сторонами финляндскаго вопроса, которыя имѣютъ непосредственное значеніе для законодательной политики нашего времени.

---

*) См. изданный Временной Коммисіей для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ библіографическій указатель *Бородкина*, Финляндія въ русской печати. Спб. 1902 г.

I.

Финляндская автономія.

Финляндія, будучи завоевана силою русскаго оружія въ 1808 году, поступила, выражаясь словами заключеннаго въ Фридрихсгамѣ 5 Сентября 1809 года мирнаго трактата со Швеціей *), «въ собственность и Державное обладаніе Имперіи Россійской». Находясь въ составѣ шведскаго королевства, Финляндія не имѣла элементовъ не только государственной обособленности, но даже и провинціальной автономіи ни въ порядкѣ законодательства, ни въ порядкѣ суда, финансоваго и административнаго управленія. Она не имѣла и своего особаго, постояннаго политическаго наименованія; короли шведскіе лишь носили титулъ владѣтелей Финляндіи. Съ именемъ «герцогства» Финляндія является на короткое время въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка и при королѣ Эрикѣ XIV (1560—1568), братъ котораго Іоаннъ съ титуломъ герцога Финляндскаго удаленъ былъ въ Або. Герцогство ограничивалось притомъ малою частью нынѣшней Финляндіи, именно: Аландскими островами и частями Выборгской, Нюландской и Абоской губерній. Въ

*) П. С. З. № 23883. 1/13 Окт. 1809. Тракт.

*

1581 году Финляндія получаетъ наименованіе «Великаго Княжества», но затѣмъ со времени великой сѣверной войны, когда часть Финляндіи отошла къ Россіи, названіе это исчезаетъ, а шведскіе короли прекращаютъ пользоваться даже и титуломъ. Лишь въ 1802 году, при Густавѣ Адольфѣ IV, второму сыну его, Карлу Густаву присвоенъ былъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго. Начало финляндской автономіи положилъ Императоръ Александръ I, сохранивъ за пріобрѣтенными губерніями дѣйствіе мѣстныхъ законовъ и мѣстныя установленія,—«по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія», какъ говоритъ тотъ же Фридрихсгамскій трактатъ.

Съ того времени Финляндія, увеличенная еще присоединеніемъ къ ней въ 1811 году Выборгской губерніи, заняла совершенно особое, привилегированное мѣсто въ составѣ русскаго государства, получивъ при этомъ въ русскихъ законодательныхъ актахъ постоянное наименованіе «Великаго Княжества Финляндскаго» *). Широкая автономія всѣхъ частей управленія, отдѣльное финансовое хозяйство и отдѣльная казна, учрежденіе законосовѣщательнаго представительнаго органа, Сейма, съ строго сословнымъ характеромъ, сохраненіе оффиціальнаго значенія за мѣстными языками, шведскимъ и финскимъ, полная отдѣльность церковнаго управленія, весьма малыя правомочія главнаго представителя государственной власти въ краѣ, генералъ - губерна-

*) Въ составъ Финляндіи вошла также не принадлежавшая къ ней Вестерботнія (часть), уступленная Швеціей Россіи въ томъ же 1809 году.

тора, — все это обусловило собою полную разобщенность управленія и внутреннюю рознь финляндскихъ губерній съ прочими частями Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ финансовое хозяйство Финляндіи поставлено было въ такія условія, подобныхъ которымъ мы не находимъ, сколько извѣстно, нигдѣ въ мірѣ: Финляндія въ теченіи 90 лѣтъ не принимала никакого участія въ крупнѣйшихъ финансовыхъ расходахъ Россіи. Пользуясь всѣми благами постояннаго мира и военной защиты своей территоріи, она не вносила ничего въ военный бюджетъ Имперіи—ни на содержаніе войскъ и военнаго управленія, ни на постройку крѣпостей, ни на военный флотъ и морскія силы. Она не принимала почти никакого участія въ тѣхъ громадныхъ экстраординарныхъ расходахъ, которые переносила Россія при многочисленныхъ войнахъ XIX столѣтія *), и до 80-хъ годовъ не поставляла ни одного человѣка въ армію въ порядкѣ воинской повинности. Вся тягота, всѣ убытки военнаго дѣла, подъ гнетомъ которыхъ тяжко страдаютъ европейскія государства, не коснулись Финляндіи. Подъ защитой русскаго оружія, она въ теченіи цѣлаго столѣтія могла тратить всѣ свои силы и средства исключительно на внутреннее мирное преуспѣяніе,—а охраняли ее отъ военныхъ невзгодъ, жертвою которыхъ она была въ теченіи предъидущихъ столѣтій, русскій человѣкъ и русская казна. Но сотни милліоновъ

*) Единственный расходъ финляндской казны на этотъ предметъ составляетъ постройка корвета «Рюрикъ» и нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ во время Крымской войны,— всего на сумму около 170.000 рублей.

экономіи въ военныхъ расходахъ являются не единственными преимуществами финляндской казны: она не участвуетъ точно также въ расходахъ по содержанію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и международнаго представительства, хотя и пользуется всѣми результатами международныхъ сношеній, и т. д.

Наконецъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ Финляндія занимаетъ преимущественное передъ всѣми частями Имперіи положеніе. Такъ, финляндскіе дворяне пользуются всѣми правами дворянъ россійскихъ; но русскіе дворяне, хотя бы и поселились въ Финляндіи и пріобрѣли тамъ земельныя владѣнія, правами финляндскихъ дворянъ не пользуются. Финляндскіе граждане имѣютъ права службы государственной во всей Россіи наравнѣ со всѣми русскими подданными; но русскіе уроженцы на службу въ Финляндіи почти не допускаются—частью по закону, частью же въ силу того обстоятельства, что занятіе должностей по финляндской службѣ обусловлено окончаніемъ курса въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Окончившіе курсъ въ Гельсингфорсскомъ Университетѣ (кандидаты) пользуются всѣми правами, кои предоставляются окончившимъ курсъ (и выдержавшимъ испытаніе) Россійскихъ Университетовъ; но русскіе дипломы никакихъ правъ въ Финляндіи не предоставляютъ и приравниваются къ дипломамъ иностранныхъ университетовъ.

Такое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійскаго государства давно уже обратило на себя вниманіе въ научной литературѣ государственнаго права, какъ совершенно оригинальная и нигдѣ болѣе не

встрѣчающаяся форма государственныхъ отношеній. Сдѣлано было нѣсколько теоретическихъ попытокъ подвести положеніе Финляндіи подъ тотъ или другой изъ установленныхъ въ наукѣ типовъ сложнаго государственнаго устройства; создана была даже особая теорія о фрагментѣ или обломкѣ государства.

Въ самой Финляндіи, среди финляндскихъ политиковъ, привилегированное положеніе края послужило почвой не только для теоретическихъ обобщеній, но и для развитія направленнаго противъ самодержавной власти русскихъ государей ученія о томъ, что Финляндія есть отдѣльное государство, находящееся лишь въ союзныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Партія враждебныхъ Россіи сепаратистовъ, усилившаяся, какъ извѣстно, съ начала шестидесятыхъ годовъ, внесла на этой почвѣ много смуты въ умы финляндскаго населенія; имѣя на своей сторонѣ значительную часть финляндскаго чиновничества, партія эта, благодаря обособленности финляндскаго управленія и слабости высшаго надзора, сумѣла проводить свои взгляды въ жизнь и въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ. Нельзя не сознаться, что политическая пропаганда принесла крупные плоды— много ошибокъ было сдѣлано и допущено въ этомъ направленіи; въ текстъ финляндскихъ узаконеній и даже въ строй финляндскаго управленія за послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ внесены были такія черты, которыя въ умахъ людей поверхностныхъ дѣйствительно могли создать сомнѣнія и возбудить вопросы: не является ли Финляндія самостоятельнымъ

государствомъ; не вытекаетъ ли привилегированное положенie ея изъ какихъ то договоровъ съ Русскими Государями, ограничивающихъ ихъ власть на началахъ международнаго права; не отказался ли Императоръ Александръ I, а за нимъ и Его преемники, отъ правъ на Финляндiю, какъ на нераздѣльную часть Россiйской Имперiи?

Скажемъ болѣе: по нашему мнѣнiю, въ упомянутыхъ ошибкахъ управленiя послѣднихъ сорока лѣтъ заключается весь источникъ той силы, которую прiобрѣла въ наши дни враждебная Россiи партiя въ Финляндiи. До того времени никакихъ подобныхъ вопросовъ не возникало, и тѣмъ менѣе—активной борьбы и противодѣйствiя правительству. Что же касается до основныхъ историческихъ доводовъ, на которыхъ финляндскiе политики - сепаратисты строятъ свое ученiе о финляндскомъ государствѣ, то доводы эти, сами по себѣ, весьма слабы: это отдѣльныя слова и выраженiя въ рѣчахъ и документахъ, легко опровергаемыя другими такими же выраженiями, притомъ употребленными въ актахъ и документахъ не только равнозначительныхъ, но и болѣе важныхъ, — каковъ, напримѣръ, указанный выше Фридрихсгамскiй мирный трактатъ 1809 года *).

---

*) Въ статьѣ IV этого трактата выражено, что завоеванныя губернiи «со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селенiями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ *собственности* и Державномъ обладанiи Имперiи Россiйской и *къ ней навсегда присоединяются*». Статья VI означеннаго трактата изложена такимъ образомъ: «Поелику Его Величество Императоръ Всероссiйскiй самыми несомнѣнными опытами милосердiя и правосудiя ознаменовалъ уже образъ правленiя своего жителямъ прiобрѣтенныхъ Имъ нынѣ областей: обезпечивъ, по единственнымъ побужденiямъ

Финляндцы указываютъ на текстъ статьи 4-ой нашихъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ (Св. Зак. т. I, изд. 1832 г.): «Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». Въ упоминаніи о престолѣ Великаго Княжества они видятъ признаніе «Государства Финляндскаго» *). Императоръ Александръ I, говорятъ финляндскіе политики-сепаратисты, назвалъ финскій народъ «élevé au rang des nations,—jouissant d'une

---

великодушнаго Своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго, впрочемъ, долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія».

*) Текстъ названной статьи породилъ недоразумѣніе и у нѣкоторыхъ русскихъ юристовъ. Поэтому считаемъ нужнымъ привести небольшую справку, которая впрочемъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Выраженіе статьи 4: «престолы. . . . Великаго Княжества Финляндскаго» имѣетъ своимъ единственнымъ источникомъ, какъ это видно изъ цитатъ, Манифестъ 12 Декабря 1825 года о вступленіи на престолъ Императора Николая I. Въ этомъ Манифестѣ дѣйствительно сказано: . . «вступая на Прародительскій Нашъ престолъ Всероссійской Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ» . . . . Но всѣ позднѣйшіе Манифесты о восшествіи на престолъ Императоровъ Александра II, Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II, съ совершенной точностью устраняютъ представленіе о множественности престоловъ и, не заключая въ себѣ никакого указанія на престолъ Финляндскій, говорятъ о вступленіи Государей нашихъ «на Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго» (П. С. З. №№ 1 и 11014). Что же касается до актовъ времени Императора Александра I, то въ нихъ нѣтъ даже и намека на отдѣльный «престолъ» Великаго Княжества Финляндскаго, по той простой причинѣ, что Финляндія, какъ указано выше, никогда и никакимъ государствомъ не была и ни «престола», ни другихъ признаковъ государственной отдѣльности не имѣла. Сказаннаго думается намъ достаточно для опредѣленія дѣйствительнаго значенія разобранныхъ словъ статьи 4-й зак. основ.

existence politique», слѣдовательно, призналъ самостоятельную политическую государственность Финляндіи; точно также Онъ, будто бы, прямо назвалъ Финляндію государствомъ въ слѣдующихъ словахъ: «il importait au bien être de l'Etat, que les administrations provincielles eussent un point central, un tribunal suprême» *); ссылаются даже на Сперанскаго, который во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ 11 Февраля 1811 года употребилъ выраженіе: «Финляндія есть государство, а не губернія» **). Интересующійся читатель можетъ найти въ финляндской и русской литературѣ подробное изложеніе доводовъ этого рода, а также критику оныхъ и доводы обратнаго свойства.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что весь этотъ споръ, построенный на толкованіи отдѣльныхъ выраженій и словъ въ историческихъ памятникахъ, можетъ продолжаться въ литературѣ сколько угодно. Государство, полугосударство, обломокъ государства, государство особаго типа, не имѣющее себѣ подобныхъ, и т. д. и т. д.—все это можетъ вращаться въ калейдоскопическомъ порядкѣ на страницахъ учебниковъ, монографій и журнальныхъ статей еще долгіе годы. Теоріи принадлежитъ свобода сужденій; безъ

---

*) Введеніе къ Регламенту Правительствующаго Совѣта 6/18 Августа 1809 года.

**) Сборникъ Императорскаго Рус. Истор. Общ. т. 21. Приведенное мѣсто изъ отчета Сперанскаго, по связи съ остальнымъ изложеніемъ, въ дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ ничего другаго, кромѣ указанія на большое количество и сложность дѣлъ Финляндскаго управленія, для веденія коихъ въ С.-Петербургѣ недостаточно существовавшей тогда канцеляріи изъ 3 чиновниковъ.

нея не существуетъ наука. Но практическое рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: первое — Финляндія *не можетъ* быть государствомъ ни того, ни другаго типа, а *должна* быть нераздѣльной частью Россійской Имперіи, связанной съ остальными частями всѣми тѣми установленіями, существованіе которыхъ необходимо для русскаго государства. Затѣмъ, второе— если бы тѣмъ не менѣе Финляндія оказалась государствомъ не въ теоріи только, а на практикѣ, т. е. тѣмъ или инымъ путемъ присвоила бы себѣ государственную отдѣльность и самостоятельность, подкрѣпленную не словами, а какими либо реальными моментами,—то немедленно *должны* были-бы быть приняты самыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію такого положенія вещей и къ полному объединенію Финляндіи съ прочими частями Имперіи.

Такое рѣшеніе вопроса есть дѣло безусловной государственной необходимости, — безразлично, въ какую-бы сторону ни склонилось communis opinio doctorum въ толкованіи отдѣльныхъ словъ и выраженій въ историческихъ документахъ. Такъ именно поступила Пруссія съ Помераніей, составлявшей сто лѣтъ тому назадъ такую же часть Шведскаго королевства, какъ и Финляндія, притомъ болѣе обособленную и самостоятельную *), но доставшейся не столь

---

*) Померанія имѣла отдѣльное отъ прочихъ частей Швеціи устройство, изображенное въ «Формѣ Правленія» 1663 года, чего Финляндія никогда не имѣла. Эта особая «Форма Правленія» была отмѣнена лишь въ 1806 году, вслѣдствіе столкновенія померанскаго Сейма съ королемъ изъ за вопроса о воинской повинности.

мягкому завоевателю, какимъ былъ Императоръ Александръ I.

Сказанное очень хорошо понимаютъ сами финляндскіе политики и поэтому наиболѣе дальновидные изъ нихъ перестаютъ нынѣ говорить о «финляндскомъ государствѣ», — перестаютъ съ тѣхъ поръ, какъ русское правительство начало внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается за финляндской границей. Но, замѣняя громкое слово Staten, болѣе скромнымъ Landet, они съ настойчивостью стараются внести въ разрѣшеніе каждаго вопроса, имѣющаго связь съ этой проблемой, возможно большее количество элементовъ финляндской обособленности. Три года тому назадъ Манифестъ 3 Февраля 1899 года, о порядкѣ изданія общегосударственныхъ, для всей Имперіи со включеніемъ Финляндіи, законовъ; вслѣдъ за тѣмъ, Манифестъ 7 Іюня 1900 года о постепенномъ введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство, а въ наши дни Уставъ о воинской повинности въ Финляндіи 29 Іюня 1901 года,—послужили поводомъ къ особо-острой борьбѣ. Противъ названныхъ узаконеній выдвинутъ былъ весь запасъ оружія изъ складовъ ученія о финляндскомъ «государствѣ»: и теорія непоколебимости такъ называемыхъ Финляндскихъ «основныхъ законовъ», и утвержденіе, будто бы Финляндія имѣетъ какую то свою «конституцію», и тенденціозное толкованіе отдѣльныхъ, издававшихся для Финляндіи, при восшествіи на престолъ Русскихъ Государей, Манифестовъ, и заявленіе, что въ Финляндіи дѣйствуютъ только финляндскіе законы, состоявшіеся въ особомъ порядкѣ финляндскаго законодательства.

На такой почвѣ всѣ эти ученія получаютъ не одно только теоретическое, но и практическое значеніе, такъ какъ вызываютъ волненіе въ краѣ и служатъ средствомъ къ возбужденію противодѣйствія правительственнымъ мѣропріятіямъ.

II.

Законы мѣстные и общегосударственные.

(Узаконеніе 3 Февраля 1899 года).

Приведеніе въ порядокъ финляндскаго законодательства, во многомъ связаннаго съ устарѣвшими законоположеніями прежняго времени, давно уже озабочивало наше правительство. Въ рѣчи Императора Александра II 6 Сентября 1863 года, при открытіи Финляндскаго сейма, указано было на необходимость составленія свода важнѣйшихъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ узаконеній. Составленные вслѣдствіе сего, образованнымъ изъ чиновъ Великаго Княжества особымъ Комитетомъ, проекты не получили, однако, утвержденія. Затѣмъ, хотя при открытіи слѣдующаго сейма въ Высочайшей рѣчи, 26 Января 1867 года, вновь указывалось на необходимость упорядоченія финляндскаго законодательства въ виду «утратившейся силою обстоятельствъ совмѣстности коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи», но вопросъ о составленіи свода законовъ Финляндіи не получилъ въ

царствованіе Императора Александра II дальнѣйшаго движенія.

Въ 1884 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго кодификаціоннаго комитета для составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ тѣмъ, чтобы выработанный комитетомъ проектъ былъ представленъ Государю Императору чрезъ Финляндскій Сенатъ съ отзывомъ сего послѣдняго. Кодификаціонный комитетъ составилъ проектъ узаконеній въ двухъ частяхъ: проектъ «формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго» и проектъ закона о сословныхъ привилегіяхъ. По мысли составителей, эти узаконенія должны были выражать собою «финляндскую конституцію»; имъ присвоивалось названіе «основныхъ законовъ Финляндіи», и они должны были подлежать измѣненію, дополненію или отмѣнѣ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ четырехъ сословій Сейма, въ порядкѣ § 71 Сеймоваго Устава. Во исполненіе послѣдовавшаго въ 1889 году Высочайшаго повелѣнія, труды комитета были сообщены на заключеніе Главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ и Министра Юстиціи, а затѣмъ подвергнуты предварительному разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи, учрежденномъ въ Гельсингфорсѣ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта графа Гейдена, изъ вице-предсѣдателей департаментовъ Финляндскаго Сената и шести сенаторовъ. Въ засѣданіяхъ этого совѣщанія, происходившихъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1890 года, уча-

ствовали также чины Кодификаціоннаго Отдѣла и Министерства Юстиціи.

Проекты кодификаціоннаго комитета, не взирая на представленныя противъ нихъ возраженія, легли въ основаніе проекта «основныхъ законовъ», составленнаго Финляндскимъ Сенатомъ и повергнутаго на Высочайшее воззрѣніе 22 Мая 1891 года. Съ своей стороны, Финляндскій генералъ - губернаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ, не раздѣляя основной мысли проекта, всеподданнѣйше представилъ въ концѣ 1891 года свои по сему предмету предположенія, а также составленный имъ «проектъ учрежденія управленія губерній Великаго Княжества Финляндіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Гейденъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе внести этотъ проектъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, предварительно обсудивъ его въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ чиновъ центральныхъ установленій Имперіи, съ участіемъ одного или двухъ представителей Финляндскаго Сената по Высочайшему благоусмотрѣнію.

Въ разрѣшеніе таковаго ходатайства, Высочайше повелѣно было образовать Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге, при чемъ на разсмотрѣніе означеннаго Совѣщанія, согласно Высочайшей волѣ, поступили не только проектъ графа Гейдена, но и проекты, составленные Финляндскимъ Сенатомъ.

При самомъ началѣ работы въ Особомъ Совѣщаніи возникъ вопросъ о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ для Имперіи и Великаго Княжества. Выяснилось, что опредѣленныхъ правилъ отно-

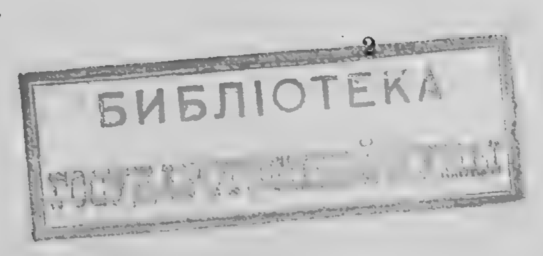
сительно составленія, внесенія, разсмотрѣнія и утвержденія означенныхъ узаконеній установлено не было; существующія же узаконенія касаются лишь порядка изданія *мѣстныхъ* финляндскихъ законовъ, не имѣющихъ общегосударственнаго значенія. Совѣщаніе пришло къ заключенію о необходимости совершенно выдѣлить вопросъ о мѣстныхъ финляндскихъ «основныхъ» законахъ отъ вопроса о порядкѣ изданія законовъ общегосударственнаго интереса, имѣющихъ примѣненіе въ Финляндіи, и этотъ послѣдній вопросъ поставило на первый планъ какъ предметъ своихъ занятій, въ составѣ возложеннаго на него порученія, предположивъ образовать для разработки вопроса объ основныхъ законахъ Финляндіи особую комиссію.

Обратившись, согласно сказанному, къ обсужденію порядка изданія общегосударственныхъ законовъ, Особое Совѣщаніе *единогласно* признало, что проекты законовъ этой категоріи должны подлежать разсмотрѣнію окончательно въ Государственномъ Совѣтѣ, при участіи Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества и Финляндскаго Генералъ-Губернатора, при чемъ въ засѣданія Совѣта могутъ быть приглашаемы члены финляндскихъ учрежденій, для надлежащихъ разъясненій. При этомъ, однако, меньшинство членовъ, именно всѣ чины финляндскихъ учрежденій, считали необходимымъ предварительно изданія по сему поводу какого - либо узаконенія, подробно поименовать тѣ предметы, по коимъ могутъ быть издаваемы общіе для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго законы. Такія же разногласія большинства Совѣщанія, съ одной сто-

роны, и финляндскихъ членовъ, съ другой,—произошли, при дальнѣйшемъ обсужденіи, по всѣмъ детальнымъ вопросамъ касательно порядка составленія и внесенія въ Государственный Совѣтъ подлежащихъ законопроектовъ, а также объема правъ финляндскаго Сейма и Сената. Въ виду сего, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Бунге представилъ возникшія въ средѣ Особаго Совѣщанія различныя мнѣнія на Высочайшее воззрѣніе. Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ III, 9 Марта 1893 года, повелѣлъ: выдѣливъ проектъ правилъ о порядкѣ изданія и обнародованія законовъ общихъ для всей Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, изъ общаго состава проектовъ Генералъ-Адъютанта графа Гейдена и Финляндскаго Сената, внести непосредственно на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта предположенія какъ большинства, такъ и меньшинства членовъ Особаго Совѣщанія.

Съ кончиною Императора Александра III дѣло это временно пріостановилось. Засимъ 13 Января 1899 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе выработать проектъ законодательнаго акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ для Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, законовъ въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Во исполненіе сей Высочайшей воли, Особое Совѣщаніе начертало проектъ Манифеста и Основныхъ Положеній, удостоившихся Высочайшей санкціи 3 Февраля 1899 года *).

*) См. приложенія 1-ое и 2-ое.

Какъ сказано выше, Манифестъ этотъ и основныя положенія вызвали протесты и возраженія со стороны финляндскихъ политиковъ-сепаратистовъ. Названная партія заявляла, что законодательный актъ 3 Февраля 1899 года представляетъ собою нарушеніе финляндской конституціи и противорѣчитъ «основнымъ законамъ» края, подтвержденнымъ какъ Императоромъ Александромъ I, такъ и особыми Манифестами (или Удостовѣреніями) всѣхъ послѣдующихъ Государей при вступленіи ихъ на престолъ. Заявленія сіи нашли себѣ выраженіе даже въ особомъ представленіи Финляндскаго Сената на Высочайшее Имя *).

III.

Манифесты (Удостовѣренія).

По завоеваніи Финляндіи Императоръ Александръ I, въ 1809 году, двумя Манифестами объявилъ свою волю о сохраненіи коренныхъ законовъ края, правъ и преимуществъ населенія. Всѣ послѣдующіе Государи, при вступленіи своемъ на престолъ, дѣлали такое же заявленіе въ особыхъ актахъ. Акты сіи, различаясь между собою лишь въ немногихъ оборотахъ рѣчи, имѣютъ общую форму Высочайшихъ Манифестовъ (начинаются словами: «Божіею Милостію, Мы» . .); тѣмъ не менѣе имъ присвояется иное наименованіе, а

*) Текстъ этого представленія былъ напечатанъ въ газетѣ «Московскія Вѣдомости», 1899, № 60.

именно: въ шведскомъ текстѣ Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго они называются «Försäkran» и, соотвѣтственно этому, въ русскомъ текстѣ до послѣдняго времени назывались «Удостовѣреніе».

Въ первомъ Манифестѣ Императора Александра I, подписанномъ $^{15}/_{27}$ Марта 1809 года въ г. Борго *), было провозглашено: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Во второмъ Манифестѣ $\frac{23\ \text{Марта}}{4\ \text{Апрѣля}}$ того же 1809 года **) объявлено: «Созвавъ сословія Финляндіи на общій Сеймъ и принявъ ихъ присягу на вѣрноподданство, Мы по поводу сего желали торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи въ святилищѣ, утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе Финляндіи вообще пользовались до сего времени». Въ 1825 году, при вступленіи на Престолъ Императора Николая I, $^{12}/_{24}$ Декабря этого года ***) объявлено: «Произволеніемъ Всевышняго

*) *Сборникъ Постановленій* (Samling af Placater), I, 19. См. такъ же Прибавленіе къ Уложенію Финляндіи. Спб. 1827.

**) Сборникъ *Якубова*, 271.

***) *Сборникъ Постановленій* (Samling af Placater), V, 56.

*

вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». При восшествіи на престолъ Императора Александра II, 19 Февраля / 3 Марта 1855 года *) возвѣщено: «Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по прежнимъ установленіямъ донынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». При восшествіи на престолъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III, 2/14 Марта 1881 года **) объявлено: «Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по установленіямъ этого края донынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Наконецъ, въ Манифестѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора

*) *Сборникъ Постановленій* (Samling af Placater), XV, 250.

**) *Сборникъ Постановленій* В. К. Финляндскаго, 1881, № 7.

Николая II 25 Октября / 6 Ноября 1894 года дословно повторены выраженія предшествующаго Манифеста.

Тексты приведенныхъ Манифестовъ, представляя собою почти полное тождество, заключаютъ въ себѣ въ то же время и нѣкоторыя, заслуживающія вниманія, отличія: выраженіе Манифестовъ 1809 и 1825 годовъ «по конституціямъ» замѣняется въ 1855 и послѣдующихъ годахъ словами «по установленіямъ»; выраженіе «коренные законы», употребленное въ Манифестахъ 1809, 1825 и 1855 годовъ, замѣняется въ Манифестахъ 1881 и 1894 годовъ наименованіемъ «основные законы».

IV.

Конституція.

Приведенные Манифесты послужили въ рукахъ финляндскихъ политиковъ средствомъ къ подкрѣпленію ихъ ученія о томъ, что власть Государей Россійскихъ является, будто бы, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ ограниченною, а не Самодержавною, и что Императоромъ Александромъ I утверждена была какая-то Финляндская «конституція», которая подтверждалась затѣмъ и всѣми Его Преемниками. Эта мысль нашла себѣ примѣненіе, прежде всего въ указанномъ выше наименованіи означенныхъ Манифестовъ терминомъ «Försäkran», съ переводомъ сего послѣдняго на русскій языкъ посредствомъ слова

«Удостовѣреніе». «Försäkran» означаетъ нечто иное, какъ присягу или клятвенное обѣщаніе шведскихъ королей на вѣрность конституціи; слово же «Удостовѣреніе» никогда въ русскомъ языкѣ для наименованія законодательныхъ актовъ не употреблялось и не употребляется.

Не взирая на то, что, при изданіи сихъ Манифестовъ, Русскіе Государи никакихъ клятвенныхъ обѣщаній не произносили, изъясненное выше мнѣніе о «финляндской конституціи» съ особою силою выдвинулось въ шестидесятыхъ годахъ и встрѣтило къ себѣ довѣріе отчасти даже въ правительственныхъ сферахъ. Поддерживаемое значительною частью финляндскихъ ученыхъ и финляндскихъ дѣятелей *), мнѣніе это продолжало развиваться до послѣдняго времени и, наконецъ, съ рѣзкою опредѣленностью изложено въ упомянутомъ выше представленіи Финляндскаго Сената по поводу Высочайшаго Манифеста и Основныхъ Положеній 3 Февраля 1899 года.

Ближайшее разсмотрѣніе приведенныхъ Манифестовъ внѣ сомнѣнія показываетъ, что они никогда не имѣли того значенія, которое имъ приписывается финляндцами. Извѣстно, что Императоръ Александръ I первое время своего царствованія останавливался на

*) Въ финляндской литературѣ прямо говорится, что эти Манифесты нашихъ Государей лишь замѣстили собою конституціонную присягу шведскихъ королей, которая являлась необходимымъ предварительнымъ условіемъ вѣрноподданнической присяги. Согласно сему и поступилъ въ Октябрѣ 1894 года Гельсингфорсскій Магистратъ, сдѣлавъ распоряженіе о томъ, чтобы принесеніе присяги вступившему на Престолъ Государю было отложено до изданія Монаршаго Удостовѣренія.

мысли о парламентарно-конституціонномъ государственномъ устройствѣ; можно думать, что и мысль о федеративно-конституціонномъ строѣ Россійской Имперіи не была чужда Ему. Имѣются указанія относительно намѣренія Императора даровать законченную, съ ограниченіемъ правъ Верховной Власти, конституцію Польшѣ. Однако, сіи намѣренія осуществлены не были. Весьма возможно, что въ предположенія Его входило и конституціонное устройство Финляндіи. Отрицать этого нельзя; но было бы невѣроятно заключить, что, отказавшись отъ своихъ намѣреній по отношенію къ прочимъ частямъ государства, Императоръ Александръ I даровалъ конституцію одной только Финляндіи. Недоразумѣніе порождается здѣсь тѣмъ, что въ Манифестѣ Александра I употреблено слово «конституція»; это же слово (constitution) имѣется въ французской рѣчи, которую произнесъ Императоръ при открытіи Сейма 1809 года, встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ документахъ и наконецъ повторено въ Манифестѣ Императора Николая I 1825 года. Однако, о какой же именно *конституціи* могла быть рѣчь въ то время?— Финляндцы говорятъ, что словомъ конституція называется Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года *). Въ дѣйствительности ни

---

*) См. приложеніе 3-е и 4-е. Оба эти акта напечатаны въ русскомъ переводѣ въ приложеніяхъ къ сочиненію *Ордина*, Покореніе Финляндіи, т. II. Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. называется иногда Актомъ Соединенія и Охраненія. Мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ для подробнаго ознакомленія съ ними читателей въ видахъ наилучшей оцѣнки ихъ дѣйствительнаго значенія.

тотъ ни другой актъ въ текстѣ ихъ такъ не названы; если бы манифесты имѣли въ виду эти акты, то, конечно, они были бы названы не общимъ словомъ «конституція», а именно такъ, какъ они называются въ ихъ собственномъ текстѣ. Притомъ, совершенно очевидно, что ни Форма Правленія 1772 года, ни Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года, на которые обыкновенно указываютъ финляндцы, не могли представляться, независимо даже отъ ихъ содержанія, такими *конституціями*, кои подлежали бы утвержденію Верховной Власти, по той простой причинѣ, что оба эти акта касались шведскаго короля, а не Русскаго Императора, и относились не къ одной только Финляндіи, но ко всей Швеціи, за исключеніемъ Помераніи *). Сверхъ того, большая часть перваго акта потеряла свое значеніе съ изданіемъ втораго. Не могли же Императоръ Александръ I и Императоръ Николай I утвердить, въ качествѣ закона, документы подобнаго рода въ шведскомъ ихъ текстѣ и безъ переработки самаго изложенія, не говоря уже о такихъ, напримѣръ, постановленіяхъ, какъ правило о томъ, что Монархъ долженъ исповѣдывать лютеранскую вѣру, или такихъ мѣстахъ, какъ заключительная часть Акта 1772 года, въ которой выражается «величайшее отвращеніе къ самодержавію (Souverainitet)».

Независимо отъ сказаннаго, ближайшее ознакомле-

---

*) Финляндскіе политики доходятъ до того, что, въ прямое отрицаніе историческаго факта, называютъ иногда Форму Правленія 1772 года «Формою Правленія Великаго Княжества Финляндскаго», что служитъ немалымъ соблазномъ для людей непосвященныхъ.

ніе съ содержаніемъ сихъ актовъ показываетъ намъ, во первыхъ, что большая часть заключающихся въ нихъ постановленій фактически не могла и не можетъ быть примѣнена къ Финляндіи по ея отдѣленіи отъ Швеціи; во вторыхъ,—что изъ числа тѣхъ постановленій, которыя могли бы имѣть примѣненіе къ Финляндіи въ отдѣльности, значительная часть никогда не соблюдалась ни при Императорѣ Александрѣ I, ни при Его преемникахъ, и это до шестидесятыхъ годовъ не вызывало никакихъ протестовъ и возраженій. Такъ, Сеймъ—этотъ необходимѣйшій элементъ всякаго парламентарно-конституціоннаго устройства—до 1863 года не созывался и закона о порядкѣ его собранія издано не было. Указанный въ § 10 Формы Правленія порядокъ назначенія въ высшіе чины и должности никогда не соблюдался; правило § 11 объ ограниченномъ числѣ дворянскихъ родовъ—тоже; постановленіе § 15 о томъ, что высшій судъ для Финляндіи, Гофгерихтъ, долженъ имѣть свое пребываніе въ г. Або, давно нарушено—въ качествѣ высшаго суда является Судебный Департаментъ Сената, находящійся съ 1819 г. въ Гельсингфорсѣ, причемъ съ наименованіемъ «Гофгерихтъ» учреждены три суда второй инстанціи. Далѣе, по силѣ § 33 должность Генералъ-Губернатора Финляндіи не допускается, «исключая особенныхъ случаевъ»; между тѣмъ, какъ извѣстно, должность сія учреждена въ качествѣ постоянной съ первыхъ же дней присоединенія Финляндіи къ Россіи. Въ противность § 40, законы издавались «безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ». По § 48 для объявленія войны требуется согласіе государ-

ственныхъ чиновъ. По пункту 8-му Акта Соединенія, каждый Государь при вступленіи на престолъ долженъ «собственноручно подписать сей Актъ Соединенія и Безопасности»,—этого не только никогда не дѣлалось, но едва ли даже у кого либо могла возникнуть серьезно мысль о такомъ подписаніи.

Если бы Императоръ Александръ I имѣлъ дѣйствительное намѣреніе даровать Финляндіи конституціонное устройство, согласное съ Формою Правленія 1772 года, и сохранилъ бы это намѣреніе во вторую половину своего царствованія по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ—когда, какъ извѣстно, Его политическіе взгляды глубоко измѣнились—то, конечно, Онъ не ограничился бы прежними, неопредѣленными словами и выраженіями въ рѣчахъ и рескриптахъ, а озаботился бы упрочить финляндскую конституцію точными актами практическаго значенія и, во всякомъ случаѣ, не допустилъ бы отступленій отъ тѣхъ конституціонныхъ началъ, которыя выразились въ Формѣ Правленія 1772 года. Повторяемъ: вполнѣ возможно, что мысль о конституціонномъ устройствѣ Финляндіи возникала въ умѣ Его; но несомнѣнно, что она не была Имъ осуществлена *).

---

*) Сверхъ того, едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что, если бы Императоръ Александръ I и приступилъ къ дѣйствительному осуществленію предположеній и плановъ конституціоннаго свойства, то образцами послужили бы для Него и Его ближайшихъ сотрудниковъ не шведскіе порядки. Въ XVIII вѣкѣ, дѣйствительно, шведскіе образцы играли немалую роль въ проектахъ разныхъ конституціонныхъ реформъ. Такъ называемые «шведскіе прожекты» выдвигались, какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II; проявлялись они и ранѣе—при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Но для XIX вѣка, для времени Императора Але-

Попробуемъ допустить предположительно, во избѣжаніе обвиненій въ односторонности, что Императоръ Александръ I хотя и не утвердилъ Форму Правленія и Актъ Соединенія въ полномъ ихъ составѣ, но тѣмъ не менѣе принялъ ихъ и одобрилъ въ извѣстныхъ частяхъ, именно, въ тѣхъ частяхъ, которыя примѣнимы къ Финляндіи и не противорѣчатъ интересамъ Россіи,—такое мнѣніе высказывается финляндцами, за невозможностью доказать полное утвержденіе названныхъ актовъ. Не очевидно ли, однако, что и при такомъ предположеніи тексты Формы Правленія и Акта Соединенія, сами по себѣ взятые, не могутъ имѣть никакого особаго значенія, доколѣ Верховная власть не укажетъ съ точностью, какія именно статьи или правила этихъ документовъ должны получить силу дѣйствующаго закона и какія отвергаются за непримѣнимостью ихъ или несогласіемъ съ интересами Россіи? И кто, кромѣ власти Верховной, можетъ рѣшить, что согласно и что несогласно съ интересами государства,—согласно ли, напримѣръ, конституціонное устройство одной окраины съ Самодержавнымъ строемъ всей Россіи? Но ни Императоръ Александръ I, ни Его преемники ни въ одномъ законодательномъ актѣ не дали намъ очищеннаго и исправленнаго текста Формы Правленія, а наоборотъ, какъ указано выше,—важнѣйшіе по практическому значенію для Финляндіи правила этой Формы никогда не соблюдались съ первыхъ же дней присоединенія Финляндіи.

ксандра I, они не имѣли никакой притягательной силы; горизонты политической мысли окрашивались тогда совсѣмъ другими цвѣтами.

Тѣмъ не менѣе финляндцы, въ подкрѣпленіе ихъ взглядовъ, приводятъ слѣдующее обстоятельство: Въ концѣ подлиннаго текста Сеймоваго Устава 1869 года, передъ Собственноручною подписью Императора Александра II, написано: «Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 Августа 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21 Февраля / 3 Апрѣля 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ». Финляндцы придаютъ особое значеніе приведенной надписи. Они говорятъ, что въ ней заключается подтвержденіе того, что означенные Форма и Актъ утверждены Верховною Властью, какъ законъ конституціонный. Нельзя отрицать, что надпись сія, по своей редакціи, способна вызвать недоразумѣніе и послужить, при желаніи, нѣкоторой опорой для лжетолкованія. Однако, прямой смыслъ ея не даетъ основаній къ выводу, что Форма и Актъ были когда либо утверждены, какъ цѣльные законодательные акты. Наоборотъ,—въ надписи идетъ рѣчь лишь о правахъ по сеймовому законодательству, въ томъ видѣ, какъ оные установлены въ Формѣ и въ Актѣ; сіи же права суть: право созванія сейма, право законодательнаго почина и право утвержденія законопроектовъ. Только эти права могъ имѣть въ виду Императоръ Александръ II при утвержденіи Сеймоваго Устава въ 1869 году, но никакъ не Форму и Актъ въ цѣльномъ ихъ составѣ. Вѣдь нельзя же допустить, чтобы наши Государи утверждали какіе либо

законы не непосредственно, установленнымъ порядкомъ, а какими то намеками, высказанными по другому дѣлу *).

Въ дѣйствительности все недоразумѣніе по вопросу о «конституціи» разъясняется довольно легко: слово «конституція» получило значеніе строгаго термина, обозначающаго парламентарное устройство, ограничивающее верховную власть волею представителей населенія, лишь въ 30-хъ годахъ; ранѣе же этого времени слово «конституція» на всѣхъ языкахъ означало не болѣе, какъ установленный закономъ порядокъ управленія вообще и, сообразно этому, вполнѣ соотвѣтствовало русскимъ словамъ: установленіе или учрежденіе, а также уставъ, уложеніе **). Конституціями же назывались всегда постановленія польскихъ и

---

*) Къ сожалѣнію, разобранное мнѣніе находило себѣ поддержку въ косвенныхъ намекахъ и различныхъ клаузульныхъ оговоркахъ, которыя неоднократно вводились въ текстъ финляндскихъ узаконеній, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Такова, напримѣръ, фраза, введенная во вступительную часть закона 13/25 Іюня 1886 г. (Сборн. Пост. Финл. 1886, № 22), о предоставленіи Земскимъ Чинамъ права законодательнаго почина. Все содержаніе сего узаконенія сводится къ измѣненію §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава 1869 года; тѣмъ не менѣе, во вступительную часть включены совершенно неподлежащія слова: «съ отмѣною 6 пункта Акта Соединенія и Охраненія 1789 года». Цѣль такой вставки очевидна: показать, что Актъ 1789 г. есть законъ дѣйствующій, хотя для всякаго ясно, что соотвѣтствующія правила сего Акта, если бы они имѣли силу закона, во всякомъ случаѣ были уже замѣнены названными §§ 51 и 52 Сеймоваго устава 1869 года. Подобная же оговорка заключается въ рескриптѣ 5 Декабря 1863 г. о продленіи Сейма (Сборн. Пост. 1863, № 35)—указанъ § 46 Формы Правленія; въ Уставѣ о воинской повинности, утвержд. въ 1878 г. 6 Декабря (Сборн. Пост. 1878, № 25)—въ § 88 сдѣлана ссылка на § 18 Формы Правленія.

**) Constitutio criminalis Carolina, Constitutio Theresiana, Constitutio Academiae Lipsiensis etc.

литовскихъ сеймовъ *). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ I и, конечно, Николай I употребляли это слово лишь въ приведенномъ общемъ смыслѣ, а никакъ не въ смыслѣ термина современнаго государственнаго права. Это вполнѣ подтверждается, во первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Манифестахъ слово «конституція» употребляется во множественномъ числѣ: «по конституціямъ», а во вторыхъ, тѣмъ, что въ Манифестѣ Императора Александра II это слово замѣнено словомъ «установленіе», каковой оборотъ рѣчи сохраняется и въ позднѣйшихъ Манифестахъ Императора Александра III и Императора Николая II. Таково дѣйствительное положеніе вещей.

Дѣлая выводъ изъ сказаннаго, мы въ правѣ сказать, что въ Манифестахъ или «Удостовѣреніяхъ» идетъ рѣчь вовсе не о конституціи, въ современномъ смыслѣ этого слова, а лишь о законномъ основаніи правъ и преимуществъ вообще.

V.

Коренные (основные) законы.

Въ Манифестахъ выражается утвержденіе и удостовѣреніе коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ населенія, а также обѣщаніе «хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Если при-

*) Въ Указѣ 25 Іюня 1840 г. (13591) говорится о «Сеймовыхъ конституціяхъ», изданныхъ на основаніи Литовскаго Статута или въ дополненіе къ нему; слова эти воспроизводятся даже въ дѣйствующемъ Сводѣ Законовъ, именно въ примѣчаніи къ статьѣ 1317 Законовъ Гражданскихъ (Т. X, ч. 1, 1900 г.).

нять эти слова въ узко-буквальномъ смыслѣ, то, конечно, въ нихъ нельзя не видѣть извѣстнаго ограниченія Верховной Власти. Однако, останавливаясь на узко-буквальномъ смыслѣ, придется идти далѣе: придется признать абсолютную, т. е. внѣ чьей бы то ни было воли лежащую, неизмѣнность существующаго порядка, если не на вѣчныя времена, то, по крайней мѣрѣ, на время Царствованія Монарха, издавшаго Манифестъ. Совершенно очевидно, что такая концепція есть нѣчто невозможное и съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія, а между тѣмъ она есть неизбѣжное послѣдствіе буквальнаго толкованія. При этомъ нельзя не замѣтить, что даже существеннѣйшій вопросъ о формальной сторонѣ дѣла—о порядкѣ отмѣны старыхъ законовъ и изданія новыхъ—не былъ выясненъ вплоть до Сеймоваго Устава 1869 года; въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ законы для Финляндіи издавались и измѣнялись Верховною Властью, безъ всякаго стѣсненія съ точки зрѣнія обѣщанія о ихъ ненарушимости и притомъ безъ участія Сейма, который за все время Царствованія Императора Николая I даже и не собирался. Очевидно, что въ дѣйствительности содержаніе Манифестовъ сводится къ обѣщанію не нарушать законовъ распоряженіями и мѣропріятіями по управленію и не отмѣнять ихъ дѣйствія во вредъ интересамъ населенія; другими словами—не распоряжаться такъ, какъ могутъ распоряжаться и очень часто распоряжаются завоеватели.

Если таковъ дѣйствительный смыслъ заключающагося въ Манифестахъ обѣщанія, то еще менѣе можетъ служить основаніемъ для финляндскихъ при-

тязаній терминъ «коренные» законы. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ никто еще не опредѣлилъ, какіе именно законы суть коренные: когда и кѣмъ изданные, чего и какихъ предметовъ касающіеся. По финляндскимъ толкованіямъ, отразившимся, къ сожалѣнію, и въ оффиціальныхъ дѣлопроизводствахъ, къ «коренным» законамъ принадлежатъ прежде всего тѣ же Форма Правленія и Актъ Соединенія *); но далѣе, не взирая на постоянные разговоры о «коренныхъ» законахъ въ финляндской литературѣ и на цѣлый рядъ кодификаціонно-законодательныхъ проектовъ, выработывавшихся въ Финляндіи въ періодъ времени отъ 1864 до 1891 года, по этому вопросу господствуетъ полное разногласіе, ясно выразившееся въ журналахъ Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге 1893 года. Члены Совѣщанія разошлись между собою во взглядахъ на этотъ вопросъ и ни одинъ изъ финляндскихъ членовъ не согласился съ мнѣніемъ Генералъ-Губернатора Графа Гейдена **). Правда, Сеймовый Уставъ 1869 года вводитъ понятіе «основнаго закона» въ качествѣ закона, подлежащаго отмѣнѣ не иначе, какъ съ согласія Сеймовыхъ сословій Великаго Княжества Финляндскаго ***). По аналогіи съ симъ, въ Манифестѣ Императора Александра III выраженіе

*) Въ подлинномъ (шведскомъ) текстѣ Формы Правленія постановленіямъ ея придаются эпитеты: въ однѣхъ статьяхъ «grundlag», а въ другихъ «fundamentallag»,—выраженія, которыя на русскій языкъ могутъ быть переведены словами: законъ фундаментальный, основной, или коренной, существенный, главный.

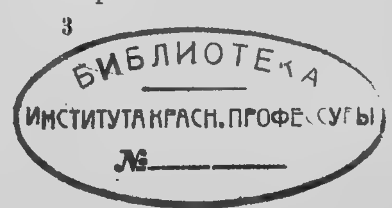
**) Въ финляндской литературѣ даже публицисты одной и той же партіи, какъ Мехелинъ, Пальменъ, Германсонъ, Вейсенбергъ, не могутъ вполнѣ согласиться между собою.

***) *Сеймовый Уставъ* § 71. См. ниже.

«коренные законы» замѣнено выраженіемъ «основные законы». Но и Сеймовый Уставъ не указалъ и не перечислилъ «основныхъ законовъ», а лишь призналъ таковыми правила, въ немъ самомъ заключающіяся.

Руководствуясь современной терминологіей, говорятъ, что основные законы суть тѣ законы, кои опредѣляютъ предметы, образующіе содержаніе первой части I тома Свода Законовъ. Однако, такое понятіе основныхъ законовъ впервые создано въ 1832 году, въ первомъ изданіи Свода Законовъ, и никоимъ образомъ не можетъ служить для толкованія актовъ болѣе ранняго времени въ смыслѣ опредѣленія значенія словъ «коренные законы». Равнымъ образомъ и по той же самой причинѣ, для сей цѣли не можетъ служить и особый признакъ «основныхъ законовъ» Финляндіи, введенный Сеймовымъ Уставомъ 1869 года. Изъ содержанія упомянутыхъ проектовъ 1864—1891 годовъ явствуетъ, что составители ихъ отождествляли выраженіе «коренные» и «основные» законы; но за неутвержденіемъ сихъ проектовъ такое отождествленіе должно считаться произвольнымъ и, во всякомъ случаѣ, оно не устраняетъ никакихъ недоразумѣній и ничего не разъясняетъ *).

*) Думаемъ, поэтому, что замѣна словъ «коренные законы» выраженіемъ «основные законы» въ Манифестахъ Императоровъ Александра III и Николая II, сравнительно съ прежними Манифестами, не принесла съ собою улучшенія редакціи. Конечно, это обстоятельство, въ виду изложеннаго выше, не представляется важнымъ. Но тѣмъ не менѣе, отождествленіе понятій «коренные законы» и «основные законы» проникло въ дѣлопроизводство Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге безъ всякой пользы для дѣла. Достойно замѣчанія, что въ упоминаемомъ выше представленіи Финляндскаго Сената, при изложеніи Манифестовъ Императора Александра I, слова «коренные законы» вездѣ замѣнены выраженіемъ

Действительное значеніе выраженія «коренные законы» можетъ быть опредѣлено, очевидно, не на основаніи терминовъ, позднѣе образовавшихся, а единственно на почвѣ того словоупотребленія, которое господствовало во время изданія Манифестовъ Императора Александра I. Обращаясь къ русскому законодательному языку того времени, мы съ несомнѣнностью убѣждаемся, что выраженіе «коренные законы» не было вовсе юридическимъ терминомъ точно опредѣленнаго содержанія, а являлось простымъ житейскимъ оборотомъ рѣчи, обозначавщимъ важность закона, его свойство, какъ общаго правила, въ противоположность изъятіямъ, древность происхожденія закона и т. п. Достаточно указать, напримѣръ, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 24 Іюля 1822 года *), въ которомъ говорится: «объявленный Генералъ-Прокуроромъ указъ (такой-то...)не можетъ отмѣнять коренного закона», причемъ въ качествѣ кореннаго закона названы Генеральный Регламентъ Петра Великаго (54-я глава) и Учрежденіе о Губерніяхъ (глава IV пунктъ 81). Вотъ почему до сихъ поръ никому не удавалось, да и впредь, вѣроятно, не удастся съ точностью опредѣлить, какіе

«основные законы». Необходимо имѣть въ виду, что текстъ актовъ, приводимый въ семъ представленіи, вообще неточенъ и не вполнѣ согласуется съ подлиннымъ русскимъ (или французскимъ) текстомъ; впрочемъ, финляндскіе переводы документовъ, относящихся къ области государственнаго права, издавна отличаются обиліемъ неточностей. На это обстоятельство обращается большое вниманіе, съ приведеніемъ множества примѣровъ, еще въ названной выше книгѣ *Ордина* 1889 года.

*) П. С. З. № 29137.

именно изъ старыхъ шведскихъ законовъ разумѣлись въ Манифестахъ Императора Александра I подъ названіемъ «коренныхъ».

VI.

Сеймовый Уставъ.

Выше было указано, что Сеймовый Уставъ 1869 года вводитъ особое понятіе «основнаго» закона, причемъ самый Уставъ признается тоже основнымъ закономъ. Понятіе основнаго закона опредѣляется въ § 71 посредствомъ формальнаго признака, а именно: основнымъ закономъ называется такой законъ, котораго «изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна можетъ послѣдовать не иначе какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій». Сеймовый Уставъ признается основнымъ закономъ въ § 83 и сверхъ того въ заключительной части, передъ собственноручной подписью Императора, въ слѣдующихъ отъ Его лица словахъ: «одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ какъ ненарушимый основный законъ» *).

---

*) § 71. Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій; предложеніе же по таковому предмету разрѣшается на сеймѣ, на которомъ оно послѣдовало, или же, если по крайней мѣрѣ два сословія того требуютъ, оставляется нерѣшеннымъ до слѣдующаго сейма, когда оно имѣетъ быть принято къ окончательному разсмотрѣнію.

Ближайшее разсмотрѣніе формулъ Сеймоваго Устава не приводитъ однако къ сколько-нибудь яснымъ и отчетливымъ выводамъ. Прежде всего нельзя не видѣть, что это понятіе «основнаго» закона есть совершенно новое, котораго до 1869 года не было и не могло быть за отсутствіемъ въ законахъ опредѣленія подобнаго § 71 Сеймоваго Устава. Затѣмъ, самое правило § 71, устанавливающее повидимому строго-формальный признакъ основнаго закона, въ дѣйствительности, оказывается далеко неточнымъ. Такъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: по буквальному смыслу § 71 изданіе основнаго закона можетъ послѣдовать лишь съ согласія всѣхъ сословій; между тѣмъ, самъ Сеймовый Уставъ признанъ основнымъ закономъ не только въ текстѣ статей, выработанныхъ и одобренныхъ на Сеймѣ, но сверхъ того и въ заключительной формулѣ, присоединенной къ Уставу послѣ подписей представителей сословій и, слѣдовательно, не бывшей на разсмотрѣніи Сейма. Такимъ образомъ, должно придти къ выводу, что для признанія Сеймоваго Устава основнымъ закономъ недостаточно было соблюденія порядка, указаннаго въ § 71, т. е. простаго утвержденія устава, а требовалось еще особое выраженіе непосредственной личной воли Императора. Далѣе,

---

Относительно вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ данныхъ сословіямъ привилегій, льготъ и преимуществъ, или о пожалованіи новыхъ привилегій, дѣйствуютъ узаконенія, установленныя о томъ въ Формѣ Правленія.

§ 83. Настоящій сеймовый уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ основнымъ закономъ для Монарха и Земскихъ Чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ.

въ послѣдней части того же § 71, по весьма важному вопросу о сословныхъ привилегіяхъ, сдѣлана ссылка на «Форму Правленія». Какая эта «Форма Правленія»? Каково ея отношеніе къ основнымъ законамъ?—Отвѣта на эти вопросы текстъ Сеймоваго Устава не даетъ. Между тѣмъ это не есть Форма Правленія 1772 года, такъ какъ въ ней соотвѣтствующихъ правилъ не заключается.

Что же касается до вопроса о томъ, какіе именно законы разумѣются Сеймовымъ Уставомъ подъ названіемъ «основныхъ», подлежащихъ дѣйствію § 71, то Сеймовый Уставъ не только не перечисляетъ ихъ и не указываетъ, хотя бы посредствомъ опредѣленія предметовъ, но не даетъ даже никакого руководящаго признака. «Основные» законы упоминаются во многихъ параграфахъ Устава *); но изъ этихъ многократныхъ ссылокъ и указаній никакого вывода сдѣлать нельзя, а при внимательномъ сопоставленіи отдѣльныхъ мѣстъ между собою получаются даже новыя, неожиданныя недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, прямой смыслъ §§ 34 и 35 **) даетъ возможность заключить, что «основными» законами признаются *всѣ* бывшіе на разсмотрѣніи Сейма, за исключеніемъ вошедшихъ въ общее гра-

---

*) §§ 7, 10, 24, 28, 34, 45, 53, 63, 70, 71, 83.

**) § 34. Коммисія законовъ имѣетъ давать заключенія по поступающимъ въ оную отъ сословій проектамъ изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ, а также общихъ гражданскихъ, уголовныхъ, церковныхъ и морскихъ уложеній.

§ 35. Въ хозяйственную коммисію представляются поступившіе на обсужденіе и заключеніе сословій проекты касательно общественнаго хозяйства края или всякихъ принадлежащихъ къ оному учрежденій, а также измѣненіе, поясненіе или отмѣна относящихся сюда постановленій и уставовъ.

жданское, уголовное, церковное и морскос уложенія, а также законовъ народнаго хозяйства. Выводъ—очевидно нелѣпый по своей крайней неопредѣленности, но онъ прямо слѣдуетъ изъ текста Устава. По силѣ § 7, сеймовый депутатъ «не подлежитъ никакимъ предписаніямъ, кромѣ основныхъ законовъ». Что это значитъ?—Слѣдующій параграфъ (8) прямо говоритъ, что депутатъ подлежитъ суду и предварительному аресту за преступныя дѣянія и лишь не можетъ быть посаженъ въ тюрьму несостоятельныхъ должниковъ на время засѣданій Сейма *). Очевидно, если депутатъ будетъ преданъ суду на основаніи § 8, то къ нему будутъ примѣняться всѣ законы о порядкѣ суда и наказаніи. Порядокъ дѣятельности дворянства на Сеймѣ опредѣляется особымъ Уставомъ Рыцарскаго Дома 9/21 Апрѣля 1869 года, который представляетъ собою, въ значительной своей части, какъ бы дополненіе Сеймоваго Устава, а иногда и повтореніе правилъ

*) § 7. Сеймовый депутатъ, при исполненіи сей своей обязанности не подлежитъ никакимъ другимъ предписаніямъ, кромѣ основныхъ законовъ края.

§ 8. Сеймовый депутатъ долженъ соблюдать благопристойность и умѣренность въ своихъ объясненіяхъ; но онъ не можетъ быть отданъ подъ судъ или лишенъ свободы за выраженные имъ взгляды и мнѣнія или за свое поведеніе въ засѣданіяхъ сейма, если сословіе, къ которому онъ принадлежитъ, не дастъ на то разрѣшенія особою резолюціею, съ коею въ общемъ собраніи сословія согласились по крайней мѣрѣ пять шестыхъ изъ числа присутствующихъ членовъ онаго. Если депутатъ будетъ обвиняемъ въ тяжкомъ преступленіи, то онъ не можетъ быть взятъ подъ стражу, коль скоро не былъ пойманъ на дѣлѣ, или же когда судья, по произведенному слѣдствію, не усмотрѣлъ повода къ опредѣленію ареста. За маловажные проступки не должно брать депутата подъ стражу, а также нельзя въ продолженіе сейма заключать его за долги въ тюрьму несостоятельныхъ должниковъ.

послѣдняго. Между тѣмъ, по силѣ § 41 Устава Рыцарскаго Дома, измѣненіе его не только не подчиняется правиламъ § 71 Сеймоваго Устава, но можетъ быть произведено помимо Сейма, по представленію одного Дворянскаго Сословія и съ одобренія Государя Императора *)

Результатъ такихъ сопоставленій, сколько бы мы ихъ ни старались дѣлать, получается всегда одинъ и тотъ же: остается совершенно неопредѣленнымъ, что именно разумѣетъ Сеймовый Уставъ подъ именемъ «основныхъ законовъ».

Происхожденіе этихъ, столь неопредѣленныхъ, указаній Сеймоваго Устава на «основные законы» и «Форму Правленія» разъясняется историческою справкою, которая сама по себѣ не лишена общаго значенія. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: одновременно съ проектомъ Сеймоваго Устава, въ 1865 году, былъ

---

*) § 41. Если въ общемъ собраніи возникнетъ вопросъ объ измѣненіи настоящаго устава Рыцарскаго Дома, то дѣло о семъ должно всегда быть передаваемо въ Коммисію Рыцарскаго Дома, которой надлежитъ представить Рыцарству и Дворянству свое объ ономъ заключеніе. Буде сословіе, вслѣдствіе того, рѣшитъ сдѣлать какое либо измѣненіе или дополненіе къ Уставу, то означенное рѣшеніе имѣетъ быть всеподданнѣйше представляемо на Высочайшее утвержденіе Государя Императора и Великаго Князя и немедленно вступаетъ въ силу, если оно удостоится одобренія въ неизмѣненномъ видѣ; но если Государь Императоръ не признаетъ за благо утвердить проектъ, то Рыцарство и Дворянство имѣетъ войти къ Государю Императору съ новымъ проектомъ. Между тѣмъ прежній Уставъ Рыцарскаго Дома долженъ служить къ руководству безъ измѣненія.

Если въ продолженіе сейма будетъ принято такое измѣненіе въ основныхъ законахъ, что оно содѣлаетъ необходимымъ и соотвѣтственную поправку въ Уставѣ Рыцарскаго Дома, то Коммисія онаго обязана сама войти къ Рыцарству и Дворянству съ проектомъ подобнаго исправленія.

составленъ финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ проектъ Уложенія или Свода Основныхъ Законовъ, называвшійся также Формою Правленія. Въ этомъ Уложеніи или Формѣ Правленія проектированы были всѣ тѣ постановленія, коимъ составители предполагали придать значеніе «основныхъ законовъ»; соотвѣтственно этому, въ проектѣ Сеймоваго Устава сдѣланы были ссылки и указанія на основные законы и Форму Правленія, подъ которыми разумѣлись не какіе либо прежніе «основные» или «коренные» законы, а именно изложенные въ новомъ проектѣ. По содержанію своему этотъ новый проектъ представлялъ собою дѣйствительную конституцію Финляндіи и шелъ въ этомъ направленіи несравненно дальше Формы Правленія 1772 года и Акта Соединенія 1789 года въ ихъ совокупности. Онъ опредѣленно ограничивалъ Верховную Власть; рѣшительно устанавливалъ государственную обособленность Финляндіи; многократно давалъ опредѣленія о «столицѣ» Великаго Княжества и т. п. Противъ проекта выступилъ съ сильными возраженіями тогдашній Генералъ-Губернаторъ, баронъ Рокассовскій. Послѣ обсужденія въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Высочайшемъ присутствіи, Императоръ Александръ II отвергъ проектъ. Между тѣмъ, проектъ Сеймоваго Устава былъ Государемъ одобренъ для внесенія въ Сеймъ. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла всѣ вышеприведенныя ссылки должны были бы быть исключены изъ Сеймоваго Устава. Но тѣ должностныя лица и установленія, на обязанности которыхъ лежало ближайшее наблюденіе за точностью и правильностью

текста издаваемыхъ законовъ, повидимому, не сочли нужнымъ этого сдѣлать. Такимъ образомъ, въ Сеймовомъ Уставѣ оказались ссылки на несуществующій законодательный актъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникъ пробѣлъ—отсутствіе указанія на то, какіе именно законы должны считаться «основными».

Въ виду изложеннаго, съ точки зрѣнія научно-юридической критики, необходимо считать всѣ правила Сеймоваго Устава объ «основныхъ законахъ» лишенными опредѣленнаго содержанія, а самый Уставъ въ высшей степени дефектнымъ актомъ.

VII.

Общее значеніе Манифестовъ.

Сказанное выше достаточно, казалось бы, опредѣляетъ общее значеніе обсуждаемыхъ Манифестовъ или Удостовѣреній въ цѣломъ ихъ составѣ. Они представляютъ собою акты равнозначительные тѣмъ Жалованнымъ Грамотамъ, Универсаламъ, Рескриптамъ и Указамъ, которые изстари давались нашими Государями населенію вновь завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Россіи областей и даже жителямъ отдѣльныхъ городовъ. Множество такихъ Грамотъ помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ; не малое число напечатано въ различныхъ сборникахъ старинныхъ документовъ. Конечно, слова «конституція» въ сихъ Грамотахъ не встрѣчается,—оно замѣщается другимъ иностраннымъ словомъ привилегіи или привилеи—

но все прочее сходствуетъ безусловно. Такъ, въ Грамотѣ Царя Алексѣя Михаиловича 1654 года Гетману Богдану Хмѣльницкому и всему Войску Запорожскому *) подтверждаются «прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при Великихъ Князѣхъ Русскихъ и при Королѣхъ Польскихъ, что суживались (т. е. судились) и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, и прежнихъ бы ихъ правъ, каковы даны духовнаго и мірскаго чина людямъ отъ Великихъ Князей Русскихъ и отъ Королей Польскихъ, не нарушить». Въ томъ же году дана Грамота городу Кіеву **): «Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, подданныхъ Нашихъ города Кіева мѣщанъ пожаловали, велѣли имъ быть подъ Нашею Царскаго Величества Высокою Рукою по прежнимъ правамъ и привиліямъ, каковы даны имъ отъ Королей Польскихъ, и тѣхъ правъ и привиліевъ ни въ чемъ нарушивати не велѣли».

Петромъ Великимъ въ 1710 и 1712 годахъ дано нѣсколько такихъ же Грамотъ, притомъ въ формѣ торжественныхъ Манифестовъ, прибалтійскому населенію и городамъ, а Императрицею Екатериною Великою, въ 1795 году, —жителямъ герцогства Курляндскаго и Семигальскаго ***). Въ нѣкоторыхъ Грамотахъ этой категоріи къ обычнымъ обѣщаніямъ присоединяется еще дополненіе: «за Насъ и за Нашихъ законныхъ

*) П. С. З. № 119.
**) П. С. З. № 133.
***) П. С. З. №№ 2287, 2301, 2302, 2495, 2501, 17319.

Наслѣдниковъ». Приведемъ для примѣра Универсалъ 16 Августа 1710 года и Манифестъ 1 Марта 1712 года. Универсалъ гласитъ: «Мы Петръ I, Божіею Милостію Царь и Императоръ Всероссійскій и пр. и пр..... коль скоро волею Божіею, сія земля совершенно власти Нашей покорена будетъ, Мы не токмо намѣрены оставить безъ всякаго нововведенія во всей землѣ и городахъ понынѣ исповѣдываемую Евангельскую религію, всѣ ихъ древнія привилегіи, вольности, права и преимущества, которыя, какъ всему міру извѣстно, въ Шведское правленіе всегда нарушаемы были, и по точному ихъ смыслу и понятію свято хранить и содержать, но и обѣщаемъ при случаѣ умножить оныя еще обширнѣйшими и важнѣйшими». Жалованная Грамота 1 Марта 1712 года шляхетству и земству Эстляндскаго Княжества: «подтверждаемъ чрезъ сіе имъ вольное явное Евангельской вѣры отправленіе, и притомъ всѣ ихъ древнія привилегіи, такъ и помиренія, соизволенія, права, суды, рецессы, статуты, христіанскія земскія обыкности и употребленія, при которыхъ Мы оныхъ противъ всѣхъ защищать, оборонять и содержать хощемъ, какъ они отъ Королей до Королей, отъ Гохмейстеровъ до Гохмейстеровъ, отъ Гермейстеровъ до Гермейстеровъ и отъ Государей до Государей оныя получали и имѣли. Такожде обѣщаемъ имъ Всемилостивѣйше, что они и потомки ихъ при томъ всемъ всегда содержаны и сохранены будутъ».

Нельзя не отмѣтить ближайшаго сходства этихъ прибалтійскихъ Жалованныхъ Грамотъ съ финляндскими Манифестами даже по тексту ихъ. Прибалтій-

скія Грамоты являются прямымъ прототипомъ финляндскихъ Манифестовъ, отъ котораго сіи послѣдніе отличаются лишь улучшеннымъ стилемъ и нѣкоторыми сокращеніями. Прибалтійскія Грамоты даже сильнѣе выражены: въ нихъ включены прямыя обѣщанія на будущія времена, въ вѣчность.

Наконецъ, къ нашему столѣтію принадлежитъ Манифестъ о присоединеніи Грузинскаго Царства къ Россіи 18 Января 1801 года *): «объявляемъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, что по присоединеніи Царства Грузинскаго на вѣчныя времена подъ Державу Нашу... предоставлены и въ цѣлости соблюдены будутъ Намъ любезно вѣрнымъ новымъ подданнымъ Нашимъ Царства Грузинскаго и всѣхъ оному подвластныхъ областей, всѣ права, преимущества и собственность, законно каждому принадлежащая».

Какъ на обстоятельство, придающее особую силу финляндскимъ Манифестамъ, указываютъ иногда на то, что Манифесты сіи повторялись и подтверждались Преемниками Императора Александра I при вступленіи ихъ на престолъ. Дѣйствительно, большинство изъ приведенныхъ выше Грамотъ не повторялось: ихъ просто забывали и никому не приходило въ голову основывать на нихъ сепаратистскія стремленія. Но нѣкоторыя повторялись; однако это не придавало имъ никакого особаго значенія. Такъ, Грамота городу Кіеву подтверждена была Императоромъ Павломъ въ 1797 году **). Въ Указѣ сказано: «Всемило-

*) П. С. З. № 19721.
**) П. С. З. № 18142.

стивѣйше повелѣваемъ общество гражданъ сея древнія Столицы въ Бозѣ почивающихъ Предковъ Нашихъ Самодержцевъ Всероссійскихъ сохранить ненарушимо при всѣхъ тѣхъ правахъ, вольностяхъ, преимуществахъ, городскихъ доходахъ и выгодахъ, каковые по Жалованнымъ отъ Ихъ Величествъ Грамотамъ и привилегіямъ помянутому городу присвоены, и которые Мы силою сего возобновляемъ и утверждаемъ».

Равнымъ образомъ, долгое время, именно до вступленія на престолъ Императора Александра III, повторялись и подтверждались нѣкоторыя прибалтійскія Грамоты *). Но въ 1881 году, когда возбужденъ былъ вопросъ о дарованіи, по прежнимъ примѣрамъ, подтвердительныхъ Грамотъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, предварительно доклада Его Императорскому Величеству, вступилъ въ переписку съ бывшимъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и съ ревизовавшимъ въ то время прибалтійскія губерніи Сенаторомъ Манасеинымъ. Образованное для обсужденія сего вопроса при Второмъ Отдѣленіи совѣщаніе пришло къ заключенію, что «въ подтвержденіи упомянутыхъ правъ и привилегій особымъ актомъ не представляется необходимости»; Сенаторъ Манасеинъ отвѣтилъ, что подтвержденіе прежнихъ Грамотъ для мѣстныхъ интересовъ излишне, а для интересовъ общегосударственныхъ вредно. Тѣмъ дѣло и кончилось.—Между тѣмъ, прибалтійскій край и его отдѣльныя части имѣли въ

*) П. С. З. 1731 г. № 5732, 1742 г. № 8653, 1764 г. № 12092, 1801 г. № 20010, 1827 г. №№ 888 и 889, 1856 г. №№ 30185, 30186, 30187 и 30188.

своей предъидущей исторіи несравненно больше элементовъ государственной самостоятельности, чѣмъ Финляндія; во время же завоеванія Петромъ Великимъ, занятыя имъ области представляли собою точно также шведскую провинцію.

Обращаясь спеціально къ послѣднему изъ финляндскихъ Манифестовъ, къ Манифесту нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая II, $\frac{\text{25 Октября}}{\text{6 Ноября}}$ 1894 года, нельзя не признать, что, независимо отъ всего изложеннаго выше, Манифестъ этотъ изданъ при условіяхъ, дающихъ ему, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, необходимую опредѣленность содержанія по объему. Вопросъ о томъ, какіе именно «коренные» или «основные» законы Финляндіи разумѣются въ Манифестѣ, остается въ прежнемъ положеніи; но совершенно ясно, что данное въ Манифестѣ обѣщаніе касается мѣстныхъ финляндскихъ законовъ и не распространяется вовсе на общегосударственные законы, порядокъ изданія которыхъ опредѣленъ нынѣ Манифестомъ и Основными Положеніями 3 Февраля 1899 года.

Въ прежнее время это различіе *мѣстныхъ* финляндскихъ законовъ и законовъ *общегосударственныхъ* не было выяснено. При желаніи, можно было разсуждать, что Манифесты касаются всѣхъ вообще законовъ, дѣйствующихъ и примѣняемыхъ въ Финляндіи. Къ удивленію и сожалѣнію, даже и Сеймовый Уставъ 1869 года не далъ руководящихъ правилъ для разъясненія сего недоразумѣнія. Конечно, русская правительственная практика, въ большинствѣ случаевъ руководимая здравымъ смысломъ, шла самостоятельнымъ путемъ и твердо раз-

рѣшала вопросы общегосударственнаго интереса законодательными актами, безъ участія финляндскаго Сейма и не стѣсняясь финляндскими толкованіями Манифестовъ. Такихъ законовъ издано, какъ извѣстно, множество за время до Сеймоваго Устава и, равнымъ образомъ, послѣ него *). Но, тѣмъ не менѣе, отсутствіе общаго разъясненія сего вопроса дало поводъ финляндскимъ Членамъ Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге въ 1893 году заявить, что въ Финляндіи дѣйствуютъ и примѣняются только финляндскіе законы исключительно.

(*) См. изданный Временною Коммисіею для составленія свѣдѣній по Финляндскимъ Законамъ *Указатель* узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго (Полное Собраніе Законовъ 1808—1899). Спб. 1899 г.

Къ числу наиболѣе важныхъ узаконеній, изданныхъ за послѣднее время безъ участія сейма, относятся: Высочайше утвержденное 28 Мая 1885 года мнѣніе Государственнаго Совѣта о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ; Высочайшее повелѣніе 27 Іюня 1885 г. объ учрежденіи должности помощника Генералъ-Губернатора; Манифесты: 31 Мая 1890 г. – о подчиненіи финляндскаго почтоваго управленія Министру Внутреннихъ Дѣлъ, 2 Августа 1890 г.—о расширеніи обращенія въ Великомъ Княжествѣ законныхъ платежныхъ средствъ Имперіи, и 1 Декабря 1890 г.—о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія Финляндіи; Высочайшія постановленія: 4 Февраля 1891 г.—о правѣ русскихъ подданныхъ, кромѣ евреевъ, пріобрѣтать и владѣть недвижимымъ имуществомъ въ Финляндіи; 1 Августа 1891 г.— о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка производства дѣлъ и замѣщенія должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго и 7 Декабря 1891 г.—о мѣрахъ къ распространенію знанія русскаго языка среди служащихъ въ Великомъ Княжествѣ; Высочайше утвержденное 13 Сентября 1892 г. новое учрежденіе Императорскаго Финляндскаго Сената; Манифестъ и Основныя Положенія 3 Февраля 1899 года—о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ; Манифестъ 7 Іюня 1900 года—о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство.

Это заявленіе можно считать послѣднимъ, которое могло еще имѣть подъ собою какую либо почву добросовѣстныхъ соображеній, хотя бы и основанныхъ на недоразумѣніи прошлыхъ лѣтъ. Труды Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге и Высочайшее повелѣніе 9 Марта 1893 года привели къ несомнѣнному разъясненію вопроса о различіи *мѣстныхъ* финляндскихъ и *общегосударственныхъ* законовъ въ указанномъ выше смыслѣ *).

Старое недоразумѣніе было разъяснено и разрѣшено окончательно. Высочайшее повелѣніе 9 Марта 1893 года не оставило никакого сомнѣнія въ томъ, что законы общегосударственнаго интереса не могутъ принадлежать къ категоріи «основныхъ (или коренныхъ) законовъ» Финляндіи, что къ числу сихъ послѣднихъ могутъ принадлежать исключительно законы мѣстные или мѣстнаго значенія. Отсюда можетъ быть сдѣланъ одинъ только выводъ: ни Манифесты, ни правила Сеймоваго Устава, опредѣляющія порядокъ изданія финляндскихъ законовъ, не касаются законовъ общегосударственныхъ, а относятся лишь къ мѣстнымъ финляндскимъ законамъ.

Таково было положеніе дѣла при вступленіи на престолъ Государя Императора Николая II. Изъ сего явствуетъ, что Манифестъ $\frac{\text{25 Октября}}{\text{6 Ноября}}$ 1894 года ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть толкуемъ въ смыслѣ примѣненія даннаго въ немъ обѣщанія ко всякаго рода законамъ, дѣйствующимъ и примѣняемымъ въ Финляндіи, какъ мѣстнымъ, такъ и общегосудар-

---

*) См. выше, II. , стр. 17

ственнымъ. Поэтому, съ полною увѣренностью можно сказать, что всѣ попытки возражать противъ новаго порядка изданія общегосударственныхъ законовъ ссылками на Манифесты и Удостовѣренія не заслуживаютъ въ наши дни никакого уваженія.

VIII.

Дѣйствіе въ Финляндіи русскихъ законовъ, изданныхъ въ общемъ порядкѣ.

Заявленія финляндскихъ политиковъ о томъ, что въ Финляндіи должны имѣть дѣйствіе только финляндскіе законы, представляя собою, согласно вышесказанному, простое недоразумѣніе по существу вопроса, тѣмъ не менѣе продолжаютъ повторяться. Нѣкоторые изъ финляндскихъ политиковъ соглашаются, впрочемъ, сдѣлать уступку: они допускаютъ дѣйствіе русскихъ законовъ, но лишь законовъ, относящихся до внутренняго быта размѣщенныхъ въ краѣ русскихъ войскъ и до консульскихъ учрежденій, причемъ объясняютъ такую уступку принципами *экстерриторіальности*. Такимъ образомъ, Финляндія, по ихъ мнѣнію, оказывается не только государствомъ особаго типа или обломкомъ государства, но даже настоящимъ *иностраннымъ* государствомъ по отношенію къ Россіи.

Нынѣ, послѣ всѣхъ тѣхъ разъясненій, которыя

происходили при законодательныхъ работахъ последняго времени, считать такое заявленіе простымъ недоразумѣніемъ bona fide мы уже не можемъ. Мы вправѣ счесть его сознательнымъ лжеученіемъ, которое не заслуживаетъ даже и опроверженій. Но къ сожалѣнію оно принадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ формулъ или фразъ, которыя будучи весьма мало содержательны и совершенно бездоказательны, тѣмъ не менѣе отличаются способностью дѣйствовать на массу исключительно въ силу соблазнительной политической тенденціи, въ нихъ заключающейся. Поэтому считаемъ необходимымъ кратко остановиться на этомъ вопросѣ въ отдѣльности.

Съ перваго дня подчиненія Финляндіи русской Верховной власти начали дѣйствовать, дѣйствуютъ нынѣ и впредь будутъ дѣйствовать въ Финляндіи, рядомъ съ мѣстнымъ законодательствомъ, многіе русскіе законы, издаваемые въ общемъ порядкѣ, т. е. безъ участія Финляндскаго Сейма и другихъ финляндскихъ властей. Они во множествѣ заключаются въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, введены въ Сводъ Законовъ и въ Сводъ Военныхъ и Морскихъ Постановленій *). Таковы, прежде всего, Основные Государственные Законы Россійской Имперіи (Свод. Зак. Т. I); всѣ трактаты,

---

*) См. изданные Временной Коммисіей для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ: 1) *Указатель* статей Свода Законовъ Россійской Имперіи, относящихся до В. К. Финляндскаго, и 2) *Списки* относящихся до В. К. Финляндскаго статей Сводовъ Военныхъ и Морскихъ Постановленій Спб. 1900.

законы и акты, касающіеся международныхъ сношеній и консульской части; всѣ законы и постановленія военные и вообще относящіеся къ внѣшней защитѣ государства. Затѣмъ, силу закона имѣютъ и примѣняются на территоріи Финляндіи всѣ положенія Святѣйшаго Синода и иныя узаконенія, опредѣляющія управленіе Финляндской и Выборгской православной епархіи, церковное управленіе и духовныя дѣла православныхъ монастырей, приходовъ и православныхъ жителей Финляндіи; духовныя дѣла финляндцевъ - католиковъ и другихъ инославныхъ исповѣданій управляются по законамъ Устава Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (Свод. Зак. т. XI). Далѣе, русскія періодическія изданія въ Финляндіи подчиняются дѣйствію русскихъ законовъ о печати (Свод. Зак. т. XIV); финляндскій правительственный телеграфъ (кромѣ желѣзнодорожнаго) подчиняется дѣйствію русскихъ почтово-телеграфныхъ узаконеній; устройство и управленіе учебныхъ заведеній въ Финляндіи, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія по С.-Петербургскому учебному округу, опредѣляется точно также общими русскими законами, и т. д.

Перечислить исчерпывающимъ образомъ всѣ тѣ обыкновенные или общіе русскіе законы, разныхъ формъ и видовъ, кои имѣютъ въ томъ или другомъ объемѣ силу и примѣненіе въ Финляндіи, нѣтъ никакой возможности; они не суть, конечно, мѣстные финляндскіе законы, но въ то же время они не принадлежатъ и къ числу тѣхъ общегосударственныхъ законовъ, порядокъ изданія которыхъ опредѣленъ Мани-

фестомъ 3 Февраля 1899 года *),—они суть просто русскіе законы. Примѣненіе ихъ въ Финляндіи опредѣляется не какимъ либо спеціальнымъ закономъ, а самымъ существомъ ихъ, а также положеніемъ Финляндіи, какъ нераздѣльной части Россійскаго Государства, и притомъ очень часто безъ всякаго особаго указанія законодателя; примѣненіе это началось, какъ мы сказали выше, съ перваго дня завоеванія Финляндіи, и не встрѣчало и не могло встрѣтить никакихъ препятствій.

При этомъ всѣ означенные законы примѣнялись и примѣняются въ Финляндіи не только въ своемъ первоначальномъ текстѣ, но и въ кодифицированной формѣ. Большинство ихъ даже не было и распубликовано въ Финляндіи, т. е. не заслушивалось въ Финляндскомъ Сенатѣ и не было напечатано въ Сборникахъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго.

Возможно ли послѣ этого говорить, что «въ предѣлахъ Финляндіи дѣйствуютъ только финляндскіе законы»?

Исторія народовъ имѣетъ свои законы. Присоединеніемъ Финляндіи и установленіемъ естественныхъ границъ съ государствами скандинавскаго полуострова завершилось вѣковое стремленіе Руси къ

*) Это съ точностью указано въ журналѣ Особаго Совѣщанія по выработкѣ Манифеста и Основныхъ Положеній 3 Февраля 1899 года.

Балтійскому морю. Пока существуетъ Россійское государство, Финляндія и Россія должны составлять единое политическое тѣло; исторія не пойдетъ назадъ, и не разорвутъ этого тѣла никакіе финляндскія партійныя стремленія. Но неразумное сопротивленіе нормальному теченію государственной жизни можетъ привести къ другому: оскорбленный идеалъ политическаго единства положитъ предѣлъ обычному русскому добродушію и безжалостно потребуетъ жертвъ. Тогда «финляндскій вопросъ» будетъ поконченъ очень скоро. Наши дни, можетъ быть,—послѣднее время, когда возможно еще мирное разрѣшеніе этого вопроса.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1-ое.—Высочайшій Манифестъ 3 Февраля 1899 г.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію Блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны.

Но независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій Великаго Княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами и недостатокъ оныхъ подавалъ поводы къ важнымъ неудобствамъ.

Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и незыблемый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства.

Въ сихъ видахъ Мы Собственноручно утвердили объявляемыя вмѣстѣ съ симъ Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

По примѣру Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, Мы видимъ залогъ процвѣтанія Финляндіи въ тѣснѣйшемъ ея единеніи съ Имперіею. Подъ сѣнію Державы Россійской, сильная ея защитою Финляндія, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, неуклонно шла по пути мирнаго преуспѣянія и Намъ отрадно было удостовѣриться изъ недавнихъ заявленій земскихъ чиновъ, что въ сердцахъ финскаго народа живо сознаніе преданности Намъ и Россіи.

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вящшему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго Государства.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 3 день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствованія же Нашего въ пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*НИКОЛАЙ*».

Приложенiе 2-е.—Основныя Положенiя 3 Февраля 1899 г.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНIЯ

о составленiи, разсмотрѣнiи и обнародованiи законовъ, издаваемыхъ для Имперiи со включенiемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

1) Первообразное начертанiе законовъ, издаваемыхъ для Имперiи со включенiемъ Великаго Княжества Финляндскаго, прiемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенiя въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченiю дѣлъ управленiя представится необходимымъ составить новое постановленiе или измѣнить либо дополнить дѣйствующiй законъ.

2) Порядокъ сей соблюдается въ отношенiи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперiи со включенiемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперiи.

3) Высочайшее соизволенiе относительно изданiя указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ Министромъ Имперiи и Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собою сношенiи. Финляндскiй Генералъ-Губернаторъ, когда по ходу управленiя Великаго Княжества признаетъ необходимымъ восполнить дѣйствующiе въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими Положенiями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенiя, для дальнѣйшаго ихъ направленiя, подлежащему Министру Имперiи и Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества.

4) По воспослѣдованiи Высочайшаго соизволенiя относительно изданiя закона для Имперiи со включенiемъ Великаго Княжества

Финляндскаго, Министръ Имперіи, о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона, сносится съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

5) По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется заключеніе Сейма и въ порядкѣ изданія законовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 2 сихъ Положеній. Заключеніе Сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очередномъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этою цѣлью чрезвычайнаго Сейма.

6) По полученіи заключеній Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго Финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 5) и Финляндскаго Сейма, Министръ Имперіи вноситъ законопроектъ въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его Учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и Сейма.

7) Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ на общемъ основаніи, при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ Сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

8) Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту обнародывается установленнымъ порядкомъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«Быть по сему».

Въ С.-Петербургѣ,
3 Февраля 1899 года.

Приложеніе 3-е.—Форма Правленія 1772 года.

Образъ правленія, утвержденный Его Королевскимъ Величествомъ и чинами Государства Швеціи 21-го августа 1772 г. [1]).

Мы Густавъ, Божіею милостію, Король Шведскій, Готескій и Вендскій и прочая, и прочая, и прочая; Наслѣдникъ Норвегіи, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій и прочая, симъ объявляемъ: Имѣвъ съ начала Царствованія нашего безпрерывное намѣреніе употреблять Королевскую нашу власть и могущество для возстановленія силы и блага Государства, равно для пользы, безопасности и благоденствія нашихъ вѣрноподданныхъ, и находивъ при томъ всемилостивѣйше, что для достиженія сего нынѣшнее положеніе Отечества требуетъ, дабы приспособленное къ помянутой чрезвычайно полезной цѣли исправленія коренныхъ законовъ, было необходимо, и составивъ по тщательнѣйшемъ разсужденіи и разсмотрѣніи, образъ правленія Государства, собранными нынѣ Чинами онаго единогласно принятый и присягою утвержденный, мы всемилостивѣйше утверждаемъ и конфирмуемъ оный образъ правленія, на который чины государства согласились, точно такимъ, какъ оный ниже сего отъ слова до слова гласитъ:

Мы нижеподписавшіеся шведской имперіи Совѣтники и Чины, Графы, Бароны, Епископы, Рыцарство и Дворянство, Духовенство, Военное Начальство, мѣщанство и крестьянство нынѣ здѣсь собравшіеся, какъ за себя, такъ и для братьевъ нашихъ, дома оставшихся, симъ объявляемъ: поелику мы по несчастному опыту узнали, что подъ именемъ благородной вольности разные изъ

---

[1]) Оффиціальный переводъ со шведскаго.

нашихъ согражданъ возвышались до владычества содѣлавшагося тѣмъ несноснѣе, какъ оно происходило отъ своеволія, утверждалось корыстью и жестокостью и наконецъ поддерживаемо было чужестранною силою, къ несчастію цѣлаго общества, что погрузило насъ въ величайшую опасность кривымъ толкованіемъ закона и наконецъ навлекало бы государству (любезному намъ всѣмъ отечеству) таковую жъ горькую судьбину, какъ показываютъ намъ примѣръ исторія древнихъ временъ и сосѣды наши, если бы мужество и любовь къ отечеству усердныхъ согражданъ, поддерживаемыя радѣніемъ и стараніемъ высокомощнаго Государя Густава третьяго, Короля Шведскаго, Готѳскаго и Вендскаго нашего всемилостивѣйшаго Короля, не избавило насъ отъ напасти, то мы помышляли объ утвержденіи нашей вольности такимъ образомъ, чтобъ она не могла быть обижаема честолюбивымъ и о государствѣ неблагомыслящимъ государемъ или согражданами тщеславными, корыстолюбивыми и измѣнническими, равно злобными и надменными непріятелями, такъ чтобъ древнее Свеаское и Готѳское государство оставалось всегда вольнымъ и независимымъ королевствомъ. А посему утвердили мы, яко же симъ утверждаемъ сей образъ правленія непремѣннымъ закономъ, который мы для себя и для потомковъ нашихъ, какъ родившихся, такъ и впредь родящихся, вызвались наблюдать и буквальному содержанію онаго слѣдовать, равно почитать каждаго и всѣхъ за непріятелей нашихъ и государства, кои хотятъ отклонять насъ отъ онаго, точно такъ, какъ оный гласитъ ниже сего отъ слова до слова:

§ 1. Единство въ религіи и настоящее богослуженіе суть твердѣйшія основанія правленія благоустроеннаго, единодушнаго и неразрушимаго. Вслѣдствіе сего Король, всѣ особы при мѣстахъ находящіяся и всѣ подданные должны слѣдовать впредь, какъ и прежде сего было, слову Божію въ пророческихъ и апостольскихъ преданіяхъ содержащемуся и истолкованному Христіанскими символами, катехизисомъ Лютера и чрезъ Аугсбургское исповѣданіе преданному, и наконецъ, какъ Упсальскимъ Синодомъ утвержденному, также и рѣшеніемъ и обнародованіемъ государственныхъ чиновъ одобренному; и такъ права церкви да сохра-

нятся безъ вреда для присвоенныхъ Королю, государству и націи шведской.

§ 2. Король долженъ управлять государствомъ сходственно съ постановленными въ Швеціи законами, онъ и никто другой не имѣетъ права наблюдать, любить и сохранять справедливость и истину, прекращать и уничтожать все то, что несправедливо и не законно. Онъ однакожъ да не касается жизни, чести, тѣла ниже благосостоянія особъ безъ произнесеннаго закономъ осужденія, король лично также и посредствомъ другихъ да не отыметъ какъ движимаго, такъ и недвижимаго имѣнія безъ суда и законнаго изслѣдованія. И такъ онъ управляетъ согласно съ королевскимъ закономъ, уложеніемъ государства, и симъ образомъ правленія.

§ 3. Касательно до наслѣдія на престолъ, то ни малой перемѣны не учинено противу условія, сдѣланнаго и одобреннаго въ Стокгольмѣ въ 1743 г.; согласія, подписаннаго въ Вестеросѣ въ 1544 г. и Нодкепинскаго договора въ 1604 году.

§ 4. По Величеству Короля, ближайшее достоинство по сіе время бывшее и въ послѣдствіи временъ быть долженствующее, присвоено государственнымъ совѣтникамъ, которыхъ самъ Король избираетъ изъ благородныхъ Шведовъ, обязанныхъ его Королевскому Величеству и государству, преданностію, вѣрностію и людьми своими. Хотя число ихъ непремѣннымъ опредѣлиться не можетъ, а назначаютъ ихъ сколько нужды и честь государства сего потребуютъ, положительное однако число семнадцать, включая тутъ первые государственные чины и генералъ-губернатора Помераніи. Долгъ ихъ состоитъ, чтобъ при трудныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ подавать Королю совѣты, когда онъ того потребуетъ, и стараться наблюдать права государства, предлагать Королю мнѣнія, признанныя ими по лучшему разумѣнію полезнѣйшими для государя и государства, государственные чины и націи склонять къ вѣрности и послушанію; всегда пещись о сохраненіи правъ, преимуществъ, независимости и благосостояніи Короля и государства, и соглашаясь съ опредѣленіемъ Сейма 1602 г. совѣтовать, какъ то по мѣсту имъ предписывается, а не

управлять. Впрочемъ государственные совѣтники подчинены единственно Королю, и одному ему въ совѣтахъ отчетъ даютъ. Король не можетъ однакожъ ихъ укорять или имъ приписать худой успѣхъ, происшедшій противу ихъ чаянія или мнѣнія, основаннаго на ясныхъ доводахъ, въ особенности тогда, когда хорошіе совѣты не достигаютъ предположенной цѣли виною того, кому приказано было, или надлежало оные совершать.

§ 5. Король обязанъ управлять, наблюдать, спасать и защищать города и землю, права ихъ и царскіе, какъ гласитъ законъ и сей образъ правленія.

§ 6. Понеже переговоры, относящіеся къ замиреніямъ, перемиріямъ и союзамъ, какъ оборонительнымъ, такъ и наступательнымъ, рѣдко малѣйшую медленность терпѣть могутъ и требуютъ необходимо самой большей тайны, то Король въ сихъ важныхъ случаяхъ имѣетъ совѣтованіе съ государственными совѣтниками и по отобраніи ихъ мнѣнія и прилежномъ разсмотрѣніи оныхъ онъ принимаетъ мѣры по мнѣнію его для государства полезнѣйшія, еслибъ въ подобномъ случаѣ государственные совѣтники были всѣ единогласно противнаго королевскому мнѣнію, тогда Его Величество долженъ уступить и согласиться; если же напротивъ голоса государственныхъ совѣтниковъ разногласны, то онъ ихъ голоса разсматриваетъ и принимаетъ тотъ, который полезнѣе и благоразумнѣе ему покажется.

§ 7. Если Король чужестранный, то онъ безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ выѣхать изъ королевства не можетъ, будучи жъ природный, долженъ сообщить намѣреніе свое государственнымъ совѣтникамъ, коихъ отзывъ и совѣты по предъидущей 6-й статьѣ отбираетъ.

§ 8. Дабы различныя государственныя дѣла производились съ вящшею скоростію и порядкомъ, то занятія имѣютъ раздѣлены быть между государственными совѣтниками такимъ образомъ, какъ Король заблагоразсудитъ; понеже Его Величество яко голова государства, Богу и отечеству въ правленіи отчетъ дать долженъ, то во всѣхъ случаяхъ по выслушаніи мнѣнія государственныхъ совѣтниковъ, имѣющихъ свѣдѣнія о подобныхъ дѣлахъ и Его

Королевскимъ Величествомъ къ тому приглашенныхъ имѣетъ онъ рѣшительный голосъ (Votum decisivum). Изъ сего исключаются однако судебныя дѣла, кои отъ гофгерихтовъ, военныхъ судовъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ въ государствѣ зависятъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ идутъ на разсмотрѣніе суда (Justitiae Revision) составленнаго изъ семи государственныхъ совѣтниковъ, кои по судебной части были употребляемы и притомъ признаны искуснѣйшими, справедливыми и въ законахъ свѣдущими. Король, какъ и прежде, тутъ присутствовать долженъ, но онъ только два голоса имѣть будетъ и рѣшительный голосъ (Votum decisivum) при равномъ числѣ.

§ 9. Одному Королю слѣдуетъ миловать и прощать преступниковъ, честь, жизнь и имѣніе теряющихъ, во всѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не противно ясному слову Божію.

§ 10. Всѣ чины высшіе, начиная отъ подполковника до фельдмаршала, включая и сіи два чина, и должности симъ степенямъ соотвѣтствующія, какъ духовные такъ и свѣтскіе, должны пожалованы быть Его Королевскимъ Величествомъ въ собраніи государственныхъ чиновъ слѣдующимъ образомъ: когда окажутся вакантныя мѣста, то государственные совѣтники должны освѣдомляться о способностяхъ и заслугахъ тѣхъ, кои просятся на оныя и могутъ обратить на себя вниманіе; послѣ того государственные совѣтники дѣлаютъ донесеніе Королю, и когда онъ въ собраніи государственныхъ совѣтниковъ объявитъ выборомъ своимъ удостоиваемаго, то государственные совѣтники помѣщаютъ въ протоколъ примѣчаніи, кои сочтутъ быть нужными, не подавая болѣе голосовъ своихъ. Во всѣ прочія должности коллегіями и другими мѣстами предлагаются Его Королевскому Величеству изъ имѣющихся на то особъ, трое умнѣйшихъ, достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ къ помѣщенію на вакансію, въ сіе число можно включить одного или другаго заслуженнаго мужа въ коллегіи не служащаго, вмѣстѣ же съ тѣмъ представляются всѣ вообще лица, на вакансію просящіяся и на то право имѣющія. Что касается до полковъ, то относительно представленія на вакансію и замѣщенія оныхъ должно держаться установленія о вакансіяхъ, Карломъ XII 6-го ноября 1716 г. положеннаго. Если въ сихъ

представленіяхъ сдѣлается кому обида, или кого безъ причины обойдутъ, то содѣлавшіе сію несправедливость за то преданы будутъ отвѣтствію. Король изъ просящихся избираетъ признаннаго имъ способнѣйшимъ. Всѣ другія должности меньшей важности, кои коллегіями, консисторіями или начальниками полковъ и прочихъ мѣстъ до 1680 г. обыкновенно замѣщаемы были останутся какъ нынѣ, такъ и впредь въ ихъ распоряженіи. Чужестранцы, будь они князья или другаго состоянія, не могутъ употреблены быть въ должности государства какъ въ штатской, такъ и въ военной службѣ, исключая дворъ королевскій и кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сіи особы блистательными и отличными качествами могутъ принести большую честь или особенную пользу государству. Дарованія и опытность суть единыя права къ достиженію должностей, не взирая на породу и рожденіе, когда сіи выгоды не будутъ соединены съ способностями. При избраніи архіепископовъ, епископовъ и суперинтендентовъ прежнему обычаю слѣдовать должно, и Король одного изъ трехъ удостоенныхъ кѣмъ слѣдуетъ къ представленію выбираетъ. При опредѣленіи пасторовъ, во всемъ поступать сходно положенію о образѣ правленія 1720 г., и указаніямъ, потомъ обнародованнымъ.

§ **11.** Одинъ только Король имѣетъ право давать дворянское достоинство тѣмъ, кои вѣрностью, добродѣтелью, мужествомъ, научными познаніями и опытностію сіе отъ Короля и королевства заслужили. Но какъ число дворянъ весьма велико, то Королю да будетъ угодно себя ограничить числомъ, не превышающимъ ста пятидесяти, коимъ рыцарство и дворянство не можетъ отказать во внесеніи ихъ въ дворянскую родословную книгу (Introduction). Дворяне не могутъ также отказать включеніемъ тѣхъ въ дворянскую родословную книгу, коихъ Король почтитъ достоинствами графовъ и бароновъ, важными заслугами сіе отличіе получившихъ.

§ **12.** Всѣ дѣла, кои выше сего не изъяты, должны предлагаться Королю въ кабинетѣ, или въ одномъ изъ отдѣленій Государственнаго Совѣта, когда находитъ сіе удобнѣе, или если хочетъ отобрать голоса разныхъ государственныхъ совѣтниковъ, но при

всемъ томъ почитать сіе, какъ бы оно въ кабинетѣ выслушано было.

§ **13.** Понеже государство пространно, а дѣла слишкомъ многочисленны и важны, чтобъ одинъ Король имѣлъ возможность оныя рѣшить, то потребны Его Величеству въ помощь чиновники и исполнители.

§ **14.** Для безостановочнаго производства и движеній дѣлъ учреждены особыя коллегіи, кои яко руки тѣла простираются на все то, что въ государствѣ имѣетъ быть учреждено. Имъ даны каждой по вѣдомству своему власть и право, чтобы со стороны Короля и возложенной на нихъ обязанности даватъ своимъ подчиненнымъ предписанія, а тѣмъ, кои находятся въ ихъ вѣдомствѣ, напоминанія о исполненіи долга званія своего, равно требовать отъ нихъ отчетъ въ данныхъ имъ порученіяхъ, представляя какъ о томъ, и собственныхъ занятіяхъ своихъ, Его Королевскому Величеству нужныя и потребныя свѣдѣнія.

§ **15.** Въ гофгерихтѣ, яко верховномъ судилищѣ Короля, долженъ быть президентъ, который ученостію и правовѣдѣніемъ сдѣлался способнымъ къ судейской должности; онъ имѣетъ при себѣ засѣдателями одного вицепрезидента и обыкновенныхъ гофгерихтскихъ совѣтниковъ и ассесоровъ. Симъ высокимъ судилищамъ имѣть каждому по своему вѣдомству смотрѣніе и попеченіе о томъ, дабы законъ и правосудіе исполнялись какъ слѣдуетъ по изданнымъ въ Швеціи уложенію и постановленіямъ, которыя имѣютъ быть наблюдаемы безъ какихъ-либо кривыхъ толкованій по настоящему и буквальному ихъ смыслу, въ руководство при рѣшеніи дѣлъ. Посему надлежитъ гофгерихтамъ безъ выгодъ, корысти или по другимъ какимъ либо видамъ, оказывать каждому правосудіе такъ, чтобы въ томъ могли отдать отчетъ Господу Богу и Его Королевскому Величеству, и государство отъ несправедливости не претерпѣвало вреда. Никто изъ дворянъ по извѣтамъ, касающимся до жизни и чести его не долженъ быть судимъ въ другомъ судѣ, какъ въ гофгерихтахъ, точно такъ, какъ установлено привилегіями и уставомъ о процессахъ 1615 г., съ тѣмъ однако, чтобъ изслѣдованіе производилось на мѣстѣ и никакія другія криминальныя дѣла не поступали въ помянутые

*

суды, кромѣ относящихся до живота и чести. Гофгерихтамъ надлежитъ также имѣть тщательный присмотръ за нижними судьями въ уѣздахъ и городахъ и экзекуторами; а когда они провиняются въ чемъ нибудь по неумѣнію, дреманію или алчности къ деньгамъ, то предавать ихъ за то, смотря по особенному роду каждаго дѣла, тотчасъ законному отвѣтствію, приговору и наказанію; а если кто съ намѣреніемъ, по ненависти, недоброжелательству или жадности къ взяткамъ, кривымъ правосудіемъ и тѣмъ обременилъ совѣсть свою и сдѣлалъ ближнему своему вредъ въ отношеніи жизни, чести и благосостоянія его, то заплатить такому за злость свою не штрафными деньгами или отрѣшеніемъ отъ должности, но лишеніемъ жизни и чести, смотря по качеству и роду дѣла въ точности по уложенію Швеціи. Такія преступленія также не должны быть скрываемы или щадимы поддержкою, чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ или неумѣстнымъ сожалѣніемъ, дабы въ подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ другіе не имѣли поводъ къ самовольному употребленію правосудія во зло, когда видятъ, что поступки и ошибки отъ злости учиненныя не наказываются справедливымъ образомъ, и какъ всякъ по винѣ своей того заслуживалъ. Напротиву сего, буде кто-либо по недоброжелательству, необдуманности и мщенію, ругательными и честь поносительными или обидными словами и сочиненіями нападать будетъ на судей и экзекуторовъ, при исполненіи ими должности своей, и потомъ не можетъ доказать учиненные имъ извѣты, то на таковаго тотчасъ наложить строгое наказаніе, смотря по роду дѣла въ предостереганіе щекотливыхъ, сердитыхъ и худыхъ людей. Никто, кто бы онъ ни былъ, не долженъ быть содержанъ подъ арестомъ безъ преданія суду. А дабы нужда и бѣдность судей не служили поводомъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлогомъ къ употребленію самой должности во зло, то опредѣленныя отъ земства на содержаніе своихъ судей и жалованье ихъ, Лагманскіе, Герадсгевдингскіе и на столъ самому суду деньги во время съѣзда (Tingsgästning) должны быть сохраняемы на предположенную цѣль, и на отпускъ подлежащимъ судьямъ жалованья по штату, точно такъ какъ постановлено Актомъ блаженной памяти Короля Густава-Адольфа 1611 г.

Стряпчіе и фискалы Короля, не должны исправлять должности своей съ обидами и корыстолюбіемъ, а когда сіе обнаружено будетъ, то подвергать ихъ за то законному отвѣтствію; за симъ бдительно смотрѣть канцлеру юстиціи, коему также имѣть надзоръ за исполненіемъ законовъ и постановленій, равно доносить ему о томъ Его Королевскому Величеству. Таковыхъ гофгерихтовъ должно быть три, какъ поднесь, первый въ Стокгольмѣ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ все Свейское (Svea) Государство, называемый Свеаскимъ Гофгерихтомъ въ старомъ уложеніи; второй всегда бываетъ въ Іенкëпингѣ, подъ коимъ находится все Гëтское (Göthа) государство, и третій, находящійся въ Або и завѣдывающій Великимъ Княжествомъ Финляндіи.

§ 16. Всѣ вообще коммисіи, депутаціи, имѣющія равную съ присутственными мѣстами власть, или экстраординарныя присутственныя мѣста, учрежденныя какъ Королемъ, такъ и чинами государства, должны быть упразднены, яко средства споспѣшествующія самовластію и тиранству; напротиву сего пользоваться каждому шведу тѣмъ правомъ, чтобъ былъ судимъ въ томъ присутственномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ коего онъ по уложенію Швеціи находится. Но буде такъ случится, чтобъ какое нибудь лицо высокой породы, или государственные чиновники, или же цѣлая коллегія провиняются до такой степени, что сіе касаться будетъ Короля, государства или короны, и виновные не могутъ быть судимы ни гофгерихтомъ, или совѣтомъ, то учредить государственный судъ (Rikets Rätt) въ коемъ предсѣдательствовать Его Королевскому Величеству самому, или же на мѣсто его Кронъ-Принцу или первому изъ наслѣдныхъ князей, или же старшему изъ государственныхъ совѣтниковъ, изъ фельдмаршала, всѣхъ президентовъ государственныхъ и королевскихъ коллегій, 4-хъ старшихъ совѣтниковъ, всѣхъ трехъ государственныхъ гофгерихтовъ, одного генерала, двухъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, двухъ старшихъ генералъ-маіоровъ, старшаго адмирала, двухъ старшихъ вице-адмираловъ и двухъ старшихъ контръ-адмираловъ, придворнаго канцлера и трехъ статсъ-секретарей; юстиціи канцлеръ всегда бываетъ казенный ходатай, а старшій ревизіонный сек-

ретарь ведетъ протоколъ. Сіе судилище должно по окончаніи слѣдствія объявлять рѣшеніе свое при открытыхъ дверяхъ, а потомъ никто не въ правѣ перемѣнять оное, а еще менѣе усилить наказаніе, съ предоставленіемъ однако Его Королевскому Величеству права помилованія.

§ 17. За гофгерихтами слѣдуетъ военная коллегія, въ коей находится, какъ и прежде, президентъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-квартирмейстеръ и обыкновенные военные совѣтники, кои имѣютъ быть свѣдущи въ счетныхъ дѣлахъ и избираются изъ опытныхъ по военной части лицъ. Сія коллегія имѣетъ присмотръ и попеченіе о военной силѣ государства. сухопутной артиллеріи, употребляемой на полѣ и въ крѣпостяхъ о фортификаціонномъ штатѣ, о большихъ орудіяхъ, оружейныхъ заводахъ, орудіяхъ и шпагахъ, аммуниціи и тому принадлежащемъ, о состояніи крѣпостей въ особенности на границѣ, о шанцахъ и прочихъ военныхъ постройкахъ, о наборахъ, вербовкѣ и смотрахъ и о прочемъ, вслѣдствіи инструкціи постановленій и королевскихъ рескриптовъ, которые уже изданы или впредь состояться будутъ.

§ 18. Вся военная сила какъ сухопутная, такъ и морская съ высшимъ и съ нижнимъ начальствомъ имѣетъ присягать на вѣрность и подданство Его Королевскому Величеству, государству и чинамъ онаго по составленному формуляру. Военная сила какъ конная, такъ и пѣшая, обще съ ботманскою частію, остается при приличныхъ доходахъ своихъ (Indelning), а контракты заключенные по сему съ земствомъ и городами имѣютъ быть точно исполняемы и наблюдаемы до тѣхъ поръ, покуда Его Королевское Величество и чины государственные совокупно не найдутъ нужнымъ учинить въ оныхъ какую либо перемѣну.

§ 19. Безъ особеннаго Его Королевскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія возбраняется полковнику и другимъ военнымъ начальникамъ созвать уволенныхъ въ отпускъ нижнихъ чиновъ въ походъ, кромѣ обыкновеннаго сбора полка и другихъ сборищъ, исключая того случая, когда сіе дѣлается при неожиданномъ нападеніи государственнаго непріятеля, о чемъ тотчасъ

слѣдуетъ доносить Его Королевскому Величеству. Его Королевскому Величеству имѣть главное начальство надъ всею военною силою какъ сухопутною, такъ и морскою, какъ то всегда употреблялось въ прежнія и для государства самыя блистательныя и счастливыя времена.

§ 20. Третья государственная коллегія есть адмиралтейская, въ коей имѣется президентъ и засѣдатели его суть всѣ состоящіе на лицо адмиралы и флагманы; для лучшаго-жъ хода сихъ дѣлъ долженъ быть въ совѣтѣ Его Королевскаго Величества по крайней мѣрѣ одинъ государственный совѣтникъ, служившій на морѣ и опытный по морской части. Сія коллегія имѣетъ присмотръ, наблюденіе и попеченіе о морской силѣ государства и о всемъ прочемъ къ тому принадлежащемъ какъ относительно постройки кораблей, оснащенія и вооруженія ихъ, такъ и заготовленія провіанта, созыва боцмановъ, водолазной и лоцманской части, равно всѣхъ прочихъ принадлежащихъ къ сей части дѣлъ сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и постановленіямъ уже состоящимся или впредь издаваемымъ.

§ 21. Четвертая коллегія государства есть государственная канцелярія, въ коей всегда предсѣдательствуетъ одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ, имѣя при себѣ засѣдателями одного или болѣе государственныхъ совѣтниковъ, одного гофъ-канцлера, статсъ-секретаря и обыкновенныхъ канцелярскихъ совѣтниковъ. Въ сей коллегіи сочиняются всѣ вообще уставы, регламенты и рецессы (Recesser), которые касаются вообще государства или привилегіи особенныхъ городовъ и частныхъ лицъ, въ особенности грамоты на должности и чины, отношенія и предписанія. Сюда также принадлежатъ всѣ документы о государственныхъ сеймахъ и съѣздахъ, союзы съ чужими государствами и мирные трактаты съ непріятелями, надлежащее отправленіе пословъ, всѣ совѣщанія, кои Король обыкновенно имѣетъ съ государственными совѣтниками или съ нѣкоторыми изъ нихъ и веденные по сему протоколы, и тотъ изъ числа оныхъ, который выходитъ за подписью Его Королевскаго Величества. Сей коллегіи имѣть также присмотръ и попеченіе о почтовой части во всемъ госу-

дарствѣ и въ подвѣдомственныхъ оному провинціяхъ, такъ чтобы она подъ надзоромъ опредѣленнаго оберъ-директора надлежащимъ образомъ была управляема. Статсъ-секретарю наиточнѣйше наблюдать и смотрѣть за тѣмъ, чтобы исходящія бумаги въ сходствіе разрѣшенія Его Королевскаго Величества и протоколовъ наискорѣе, вѣрно и хорошимъ порядкомъ были написаны и отправляемы безъ малѣйшаго упущенія по какой бы то не было причинѣ. Если кто нибудь былъ бы столь дерзокъ, чтобъ отправилъ бумагу, противную разрѣшенію Его Королевскаго Величества, и тѣмъ старался обмануть (surprendre) Его Величество (что при множествѣ бумагъ легко случиться можетъ), таковой по надлежащемъ судебномъ разбирательствѣ и рѣшеніи долженъ быть отставленъ отъ службы и оштрафованъ, смотря по преступленію своему. А посему впредь какъ и поднесь, никакое предписаніе не имѣетъ быть выполнено, которое не снабжено надлежащею контрасигнировкою, исключая военныхъ дѣлъ. Коллегіи сей впрочемъ руководствоваться канцелярскимъ уставомъ и тѣми инструкціями, рескриптами и королевскими постановленіями, которые уже изданы и впредь состояться будутъ.

§ 22. Его Королевское Величество назначаетъ въ присутствующемъ совѣтѣ, безъ отобранія однако голосовъ, президента въ канцелярію, канцелярскихъ совѣтниковъ, которые суть государственные совѣтники, гофъ-канцлера, статсъ-секретарей, канцеляріи совѣтниковъ и экспедиціонныхъ секретарей, избирая въ сіи званія тѣхъ, къ коимъ довѣріе имѣетъ. Тоже самое наблюдается относительно министровъ Его Королевскаго Величества при чужихъ дворахъ.

§ 23. Пятая государственная коллегія есть камеръ-коллегія, имѣющая одного президента и обыкновенныхъ камеральныхъ совѣтниковъ. Всѣ тѣ, кои занимаются сборомъ и расходомъ Короля и короны, имѣютъ въ оной принимать приказанія и отдавать отчетъ, сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и приказамъ, уже изданнымъ или впредь издаваемымъ. Заботы и попеченіе сей коллегіи состоятъ въ томъ, чтобы оброки надлежащимъ образомъ и заблаговременно были собираемы и умножаемы, земля хорошо обработываема, воздѣлываема и улучшаема надле-

жащимъ хозяйствомъ и поправкою, равно чтобы присвоенные казнѣ доходы не расточались и не пропадали отъ упущенія, а напротиву того государственныя деньги всячески были улучшаемы, приспособляемы къ удобнѣйшему обращенію, сохраняемы и заготовляемы заблаговременно, равно, чтобы кредитъ не пропадалъ, такъ чтобы Его Королевское Величество въ случаѣ нужды могъ ожидать внутри и внѣ государства пособія и вспоможенія. Большія портовыя таможни съ сборами и счетами, равно малыя таможни съ акцизомъ состоятъ также подъ управленіемъ подлежащаго оберъ-директора въ вѣдомствѣ камеръ-коллегіи и подъ надзоромъ ея, въ коей для цолнеровъ и сборщиковъ изготовляются грамоты съ надлежащимъ обезпеченіемъ Его Королевскаго Величества.

§ 24. Въ государственной конторѣ имѣть по одному президенту и обыкновенныхъ государственныхъ коммисаровъ. Въ вѣдѣніи ея состоятъ распредѣленіе и израсходованіе денежныхъ суммъ. Всѣ тѣ, кои имѣютъ на рукахъ казенныя деньги, обязаны представлять въ надлежащее время вѣдомости въ ту контору, какъ то въ инструкціяхъ имъ ясно предписано. Штатъ или роспись также ежегодно и заблаговременно имѣетъ быть составлена, въ чемъ роспись 1696 г. должна служить основаніемъ и руководствомъ, съ такимъ притомъ распоряженіемъ, дабы казенные служители получали жалованье свое изъ казенныхъ же доходовъ. Въ сей росписи не прибавляется и не умножается ничего, развѣ когда сіе для службы и пользы Его Королевскаго Величества и Государства необходимо нужно. Въ семъ штатѣ показывается не токмо та сумма, которая уже оставлена въ собственное и произвольное распоряженіе Его Королевскаго Величества, но опредѣляется еще каждогодно сумма для экстраординарныхъ выдачъ, которая ассигнуется по повелѣніямъ Его Королевскаго Величества за надлежащею подписью и контрасигнировкою, сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и постановленіямъ, уже изданнымъ и впредь издаваемымъ.

§ 25. Его Королевское Величество назначаетъ въ присутствіи совѣта безъ отобранія однако голосовъ президента и статсъ-коммисаровъ изъ такихъ мужей, которые преданностію и знаніями

своими по сей важной части сдѣлались достойными довѣрія Его Королевскаго Величества.

§ 26. Горная коллегія имѣетъ также президента и обыкновенныхъ горныхъ совѣтниковъ и ассесоровъ, кои всѣ вообще ученостію и опытностію сдѣлались способными къ судейской должности и притомъ пріобрѣли себѣ нужныя и основательныя познанія по горной части во всѣхъ отношеніяхъ ея. Сей коллегіи имѣть присмотръ и попеченіе о поддержаніи горныхъ заводовъ и о прочемъ относящемся до устройства и улучшенія ихъ.

§ 27. Камеръ-коллегія имѣетъ также президента и обыкновенныхъ коммерціи совѣтниковъ, ассесоровъ и коммисаровъ, имѣющихъ основательное познаніе о торговлѣ. Сей коллегіи заботиться о усиленіи, умноженіи и улучшеніи торговли, приведеніи мануфактуръ въ лучшее состояніе, о устройствѣ, присмотрѣ и содержаніи мастерскихъ, равно о наблюденіи постановленій касательно сбора таможенныхъ пошлинъ (Licent, Portorie), таможенныхъ тарифовъ и проч., какъ предписано въ инструкціяхъ, королевскихъ рескриптахъ и приказахъ уже изданныхъ или впредь издаваемыхъ.

§ 28. Камеръ-ревизія имѣетъ также нужды въ одномъ президентѣ, который съ обыкновенными засѣдателями имѣетъ попеченіе о томъ, дабы не токмо производящіяся въ оной слѣдственныя дѣла рѣшались по суду резолюціями и приводимы были фискалами къ концу, но также казенные годовые счеты безъ замедленія по поступленіи ихъ въ камеръ-коллегію и по извѣщеніи о томъ камеръ-ревизіи, были разсматриваемы, объясняемы, заготовляемы и окончательно рѣшаемы, въ сходствіе инструкціи, королевскихъ рескриптовъ и постановленій уже изданныхъ или впредь издаваемыхъ.

§ 29. Маршалъ королевства или оберъ-гофмаршалъ есть одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ и опредѣленъ для надзиранія надъ дворцомъ, замкомъ и королевскимъ домомъ, онъ учрежденъ и располагаетъ всѣмъ, что относится до стола, придворныхъ служителей и что къ тому принадлежитъ.

§ 30. Дворъ Короля состоитъ въ особенномъ Его Величества

распоряженіи и онъ одинъ можетъ относительно двора сдѣлать перемѣны и поправки, какъ за нужное признаетъ.

§ 31. Оберъ-штатгалтеръ въ Стокгольмѣ, капитанъ-лейтенантъ, лейтенанты и квартирмейстеры драбантовъ, полковникъ и подполковникъ Гвардіи, полковникъ Лейбъ-полка, полковникъ Лейбъ-драгуновъ, полковникъ и подполковникъ артиллеріи, генералъ-адъютанты и коменданты пограничныхъ крѣпостей особенную довѣренность Короля имѣютъ, и Его Величество снимаетъ и налагаетъ сіи должности въ собраніи государственнаго совѣта безъ отобранія голосовъ.

§ 32. Коллегіи взаимную должны подавать другъ другу помощь во всемъ до выгодъ Короля и Государства служащемъ, когда сіе требуется и въ томъ настоитъ нужда, такъ чтобы одна не присвоивала себѣ власть, другой принадлежащую, или причиняла ей препятствіе и ущербъ, а надлежитъ каждой изъ нихъ управлять своею частію съ надлежащею дѣятельностію, попеченіемъ, прилежностію, вѣрностію и осторожностію. Покуда президенты находятся въ своихъ коллегіяхъ на лицо, пользуются они предоставленною имъ властію, но когда они по дѣламъ Короля, или по собственнымъ надобностямъ находятся въ отсутствіи, то они хотя и удерживаютъ свой титулъ съ принадлежащими къ оному почестями, но отнюдь не должны приказывать или распоряжать чѣмъ либо до президентской должности относящимся, покуда не возвращаются и не вступятъ паки въ дѣйствительное отправленіе своей должности. Между тѣмъ исправляетъ старшій по президентѣ засѣдатель съ равнымъ правомъ и дѣйствіемъ принадлежащія сему званію дѣла. Сіи коллегіи обязаны отдавать Королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, когда Онъ сего отъ нихъ потребуетъ, отвѣтствуя Ему одному въ исправномъ выполненіи своихъ обязанностей.

§ 33. Губерніи и управленіе оными останутся на такомъ точно положеніи, какъ нынѣ, ибо впредь генералъ-губернатора внутри государства быть не должно, исключая особенныхъ случаевъ, и на неопредѣленное время, никакихъ также удѣловъ или изъ рода въ родъ переходящихъ земель и леновъ давать не должно; но имѣютъ оныя оставаться въ томъ распорядкѣ, въ коемъ нынѣ

находятся и какъ образомъ правленія 1720 г. опредѣлено было.

§ **34.** Наслѣдный Принцъ Шведскаго Государства и принцы шведской крови не могутъ имѣть удѣла, или генералъ-губернаторства, но должны довольствоваться денежнымъ содержаніемъ по штату назначеннымъ, наслѣдные принцы не менѣе 100.000 далеровъ серебряною монетою, считая со дня объявленія ихъ совершеннолѣтними, что по двадцати-однолѣтнемъ возрастѣ имъ слѣдуетъ. Принцы шведской крови, въ степени царствующаго рода отдаленной, могутъ пользоваться ежегодно денежною суммою на содержаніе свое, соразмѣрно ихъ роду. Ихъ также позволяется величать титулами герцогствъ и княжествъ, какъ сіе издревле дѣлалось, но не имѣютъ никакихъ правъ на провинціи, коихъ имя носить будутъ, ибо сіи провинціи всегда имѣютъ находиться подъ однимъ властителемъ безъ какого либо уменьшенія, или раздробленія.

§ **35.** Что принадлежитъ до содержанія наслѣднаго принца, который всегда бываетъ старшій изъ сыновей царствующаго Короля, или родной его внукъ, во всемъ поступлено быть имѣетъ, какъ постановлено было относительно содержанія для сына блаженной памяти Короля Адольфа-Фредерика, всемилостивѣйшаго нашего государя Густава III-го, нами днесь управляющаго. Наслѣдный Принцъ въ совѣтѣ Его Величества по совершеніи 18-ти лѣтъ засѣдаетъ.

§ **36.** Никакой принцъ шведской крови, будь онъ наслѣдный принцъ, наслѣдный князь или князь, не можетъ сочетаться бракомъ безъ вѣдома и позволенія Короля. Если кто противу сего преступитъ, то поступаютъ съ нимъ по шведскому закону и дѣти лишаются права наслѣдства.

§ **37.** Въ случаѣ болѣзни или долгаго путешествія Короля управляется государство тѣми государственными совѣтниками, коихъ Король къ тому назначаетъ. Если болѣзнь Короля будетъ толико скоропостижна, что онъ распоряженія о государственныхъ дѣлахъ учинить не успѣетъ, тогда исходящія бумаги идутъ на подписаніе къ четыремъ старшимъ государственнымъ совѣтникамъ и президенту канцеляріи, каковыя пять особъ

совокупно власть королевскую да отправляютъ во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ скораго распоряженія, но опредѣлять къ мѣстамъ и заключать союзы воли не имѣютъ, пока здоровье Короля не придетъ въ состояніе, самому дѣлами заняться позволяющее, и тогда управлявшіе должны дать отчетъ въ правленіи. Еслибъ жизнь Короля пресѣклась и наслѣдникъ малолѣтенъ, то вышесказанный порядокъ при учрежденіи правительства соблюденъ быть имѣетъ, и должности ввѣряемы быть должны на время, исключая такого случая, когда покойный Король духовною своею предпишетъ иное распоряженіе, тогда завѣщаніе правиломъ служить должно.

§ 38. Государственные чины обязаны собираться по волѣ Короля въ такое время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Его Величество засѣданіе назначить пожелаетъ, для совѣтованія съ Его Королевскимъ Величествомъ о тѣхъ дѣлахъ, по коимъ Его Величество ихъ созываетъ. Нѣтъ причинъ, и никому кромѣ Короля не имѣть власти созвать государственныхъ чиновъ къ общему сейму, исключая времени малолѣтства Короля, тогда попечителямъ его сіе право отдается. Но еслибъ совершенное пресѣченіе мужескаго колѣна королевскому дому воспослѣдовало (несчастіе, отъ котораго Богъ насъ да сохранитъ), тогда государственные чины безъ напоминанія и безъ созыва обязаны въ тридцатый день послѣ смерти Короля собраться въ Стокгольмѣ, какъ то объяснено въ актѣ нашемъ отъ 20-го іюня 1743 г., опредѣляя въ то же время наказаніе тѣмъ, кои при сихъ обстоятельствахъ происками или заговорами произвольному выбору государственныхъ чиновъ захотятъ учинить насиліе. При сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ настоятелю дворянскаго дома, думѣ, консисторіи упсальской и стокгольмскому магистрату обнародованіе учинить наискорѣйшимъ образомъ во всѣхъ провинціяхъ государства, дабы каждый могъ по оному располагаться. А какъ ландсгевдинги должны каждый усильно объявлять смерть Короля всѣмъ жителямъ губерніи, то собранное число людей къ опредѣленному времени должно быть довольно сильно для защиты и покровительства вольности государства, и для избранія новаго королевскаго дома.

§ 39. Государственные чины должны съ надлежащимъ попеченіемъ наблюдать со всею точностью всѣ права государя, такъ какъ шведскими законами предписано, во всей ихъ силѣ и могуществѣ; они должны наблюдать, подкрѣплять и защищать усердно и расторопно все, что ко власти королевской относиться будетъ. Вслѣдствіе сего они не могутъ поправить, перемѣнить, прибавить, ниже уменьшить ничего въ настоящихъ фундаментальныхъ законахъ безъ согласія короля, дабы несправедливость не нарушила истиннаго закона и дабы вольность подданныхъ и преимущества Короля не потерпѣли или не уничтожились, но чтобъ каждый законнымъ правомъ своимъ и пріобрѣтенными привилегіями пользовался. Всѣ другія постановленія, которыя съ 1680 г. по сіе время почитаемы были фундаментальными, симъ уничтожаются.

§ 40. Король не можетъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 41. Государственные чины не могутъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія Короля.

§ 42. При изданіи новаго закона нижеслѣдующій порядокъ наблюдается. Когда государственные чины оный желаютъ, то надлежитъ одумать между собою, и по общемъ согласіи проектъ четырьмя ораторами Королю подносится, для истребованія на сіе мнѣнія его величества; Король отбираетъ голоса государственныхъ совѣтниковъ, которые, разсмотря, кладутъ рѣшеніе, потомъ собираетъ государственныхъ чиновъ въ залѣ своего дворца и ясною и короткою рѣчью изъявляетъ согласіе свое или же причины почему согласиться не можетъ. Если же Король пожелаетъ предложить новый законъ, то Его Величество имѣетъ сперва сообщить оный государственнымъ совѣтникамъ и по внесеніи ихъ мнѣній въ протоколъ, все это передаетъ государственнымъ чинамъ, кои по разсмотрѣніи и соглашеніи между собою просятъ назначить день для сообщенія согласія ихъ Королю въ государственной залѣ. Если же мнѣніе будетъ отрицательно, то оное подадутъ чрезъ ораторовъ Его Величеству письменно съ изъясненіемъ причинъ.

§ 43. Если бы случилось, что выйдутъ споры касательно

какого закона, какъ тому не рѣдкіе примѣры въ недавнемъ времени были, то должно поступать согласно со статьею 42.

§ 44. Право бить монету остается собственностью государя; если же онъ возъимѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобъ безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось.

§ 45. Королю слѣдуетъ покровительствовать и защищать государство, а особенно противу непріятельскихъ силъ, но онъ не можетъ противу присяги своей при помазаніи и своего Акта увѣренія наложить на подданныхъ какіе либо военные налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія, исключая только тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда нечаянное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ, тогда онъ имѣетъ право принимать мѣры съ пользою и безопасностію государства соглашающіяся, также и съ выгодами его подданныхъ. Но по окончаніи войны государственные чины должны собраться и новые налоги, войною причиненные тотчасъ уничтожаются.

§ 46. Сеймамъ не долѣе трехъ мѣсяцевъ позволено продолжать свои засѣданія, дабы государство отъ продолжительности не потерпѣло, какъ то до сего времени случалось, то Король по истеченіи опредѣленнаго времени можетъ сеймъ разрушить и депутатовъ разослать каждаго въ свое мѣсто. Если въ теченіе сейма согласіе на новые поборы не утвердится, то оставаться по прежнему.

§ 47. Государственные чины имѣютъ право назначать особъ для засѣданія въ комитетахъ, съ коими Его Королевское Величество хочетъ разсуждать о дѣлахъ по мнѣнію его сокрытыми остаться долженствующихъ. Члены сихъ комитетовъ пользуются всѣми преимуществами, кои государственнымъ чинамъ присвоены, но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ тайну хранить нѣтъ нужды, дѣла сообщаются полному собранію каждаго состоянія государственныхъ чиновъ на разсмотрѣніе.

§ 48. Короли не могутъ объявлять войны, ни чинить нападеній безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 49. Никакіе протоколы сообщены и требуемы государствен-

ными чинами быть не могутъ, кромѣ относящихся до дѣлъ, по которымъ Король вмѣстѣ съ государственными чинами имѣлъ сужденіе.

§ 50. Комитетамъ государственныхъ чиновъ должно предъявлено быть состояніе государственной казны, дабы они могли удостовѣриться, что доходы употребляются къ пользѣ и благосостоянію королевства.

§ 51. Если кто изъ членовъ сейма будетъ обиженъ въ продолженіи онаго, словомъ или дѣломъ, не подавъ самъ къ тому причины, какъ въ пути его на оный, такъ и при возвращеніи домой, и не взирая на объявленіе о его качествѣ, то за таковое преступленіе съ виновникомъ поступлено быть имѣетъ, какъ съ нарушителемъ королевской присяги, коею его величество вызвался наблюдать общую тишину.

§ 52. Король долженъ наблюдать, чтобъ всѣ четыре состоянія народа пользовались привилегіями и правами законнопріобрѣтенными. Ни которому состоянію преимуществъ дать не можно безъ вѣдома и согласія четырехъ состояній.

§ 53. Германскія провинціи поручаются единственному попеченію Короля, онѣ должны управляемы быть сходственно съ законами германской имперіи, привилегіями, благопріобрѣтенными и согласно съ установленіями Вестфальскаго мира.

§ 54. Всѣ города государства могутъ пользоваться законными преимуществами и правами, Королями имъ предшествовавшими утвержденными, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ сіи права и преимущества принаровляемы были къ обстоятельствамъ и выгодамъ общественнымъ.

§ 55. Банкъ государственныхъ чиновъ остается какъ прежде подъ присмотромъ и отчетомъ ихъ, онъ управляемъ быть долженъ по узаконеніямъ и статутамъ, уже утвержденнымъ государственными чинами или кои ими впредь учреждены будутъ.

§ 56. Касса армейскихъ пенсіоновъ должна быть управляема настоящими учрежденіями и тѣми, кои Королемъ вновь съ повѣренными отъ военнаго начальства завербованной арміи учредиться могутъ.

§ 57. Если въ семъ законѣ открылась бы какая либо неяс-

ность, то слѣдовать буквальному содержанію онаго, покуда Его Королевское Величество и государственные чины, какъ предписано въ 39 и 42 §§, между собою не согласятся.

Мы нынѣ здѣсь собравшіеся чины государства находили нужнымъ утвердить все сіе, для надлежащаго правленія государства, для вольности и безопасности какъ нашей, такъ и нашихъ дома остающихся собратьевъ и потомковъ, родившихся и впредь родящихся.

Мы объявляемъ симъ вновь, что имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію или такъ называемому неограниченному правленію (souverainitet) почитаемъ за превосходнѣйшее счастье наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами подъ управленіемъ могущественнаго, но законами ограниченнаго короля, соединенные оба и защищенные закономъ, освобождающимъ насъ и любезное отечество наше отъ опасностей, сопровождающихъ безпорядокъ, самовольство, аристократію и олигархію, во вредъ цѣлаго общества, въ тягость и прискорбіе каждаго согражданина. Мы тѣмъ болѣе увѣрены въ порядочномъ конституціонномъ [1]) и счастливомъ правленіи, какъ Его Королевскимъ Величествомъ уже объявлено, что почитаетъ за величайшую честь быть первымъ согражданиномъ между вольнымъ народомъ, и мы надѣемся, что такое намѣреніе наслѣдниками нашими [2]) передано будетъ отъ потомка до потомка до позднѣйшихъ временъ свѣта. А посему объявляемъ за непріятелей нашихъ и королевства всѣхъ тѣхъ, неразумныхъ и зломыслящихъ согражданъ, кои въ тайнѣ или явнымъ образомъ, хитростію, замыслами или явнымъ насильствіемъ хотѣли бы отвести насъ отъ сего закона и навязать намъ королевское самодержавіе или такъ называемое неограниченное правленіе или же подъ видомъ вольности уничтожить сіи законы, утверждающіе истинную вольность, отвращающіе своевольствіе и безпорядокъ, и предающіе преступ-

[1]) Слово «конституціонномъ» принадлежитъ финляндскому переводчику. Въ подлинномъ «lagbundit»,—то есть «законосообразный» или «закономѣрный».

[2]) Собственно должно быть «въ королевскомъ домѣ—i thet Kgl. Huset».

ленія безъ пощады судебному разбирательству, сужденію и наказанію, по изданному въ Швеціи закону. Мы обязываемся также по присягѣ нашей на вѣрность учиненной и по сему образу правленія, повиноваться какъ слѣдуетъ Его Королевскому Величеству и совершать приказанія его, во всѣхъ частяхъ, въ коихъ можно отдавать отчетъ Богу и людямъ, ибо слѣдуетъ повелѣвать ему, а намъ исполнять, всѣмъ оказать правосудіе, какъ ему, такъ и намъ, какъ то подлежитъ вѣрнымъ мужамъ и подданнымъ.

Для вящшей вѣрности укрѣпили и утвердили мы сіе подписаніемъ именъ нашихъ и приложеніемъ печатей, что учинено въ Стокгольмѣ 21-го августа 1772 г. послѣ Рождества Христова.

Со стороны рыцарства и дворянства А. Г. Леіонгуфвутъ теперешній земскій маршалъ.	Со стороны духовнаго сословія Анд. Г. Форсеніусъ ораторъ.	Со стороны мѣщанскаго сословія Іог. Генр. Хохшилдъ вмѣсто оратора.	Со стороны крестьянскаго сословія Іосифъ Гансонъ ораторъ.
(М. П.)	(М. П.)	(М. П.)	(М. П.)

Все вышеписанное признаваемъ мы не токмо сами за непремѣнный коренной законъ, но и повелѣваемъ всемилостивѣйше чтобы всѣ тѣ, которые обязаны намъ и наслѣдникамъ нашимъ равно имперіи [1]) повиновеніемъ и вѣрностію, должны признавать и наблюдать сей образъ правленія, и повиноваться оному.

Для вящшей вѣрности подписали и утвердили мы сей собственноручно и приказали привѣсить къ оному ниже сего нашу печать, что учинено въ Стокгольмѣ 21-го дня августа 1772 г. послѣ Рождества Христова.

(М. П.)

Густавъ.

Перевелъ надворный совѣтникъ Фонъ-Виттъ.

---

[1]) Слово «имперіи» принадлежитъ финляндскому переводчику. Въ подлинникѣ «Riket»,—то есть «Государство».

Приложеніе 4-е.—Актъ соединенія и безопасности 1789 г.

Утвержденный его королевскимъ величествомъ и государственными чинами актъ соединенія и безопасности, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года [1]).

Мы Густавъ и прочая симъ объявляемъ: находивъ себя принужденнымъ объявить нашимъ вѣрноподданнымъ во всеобщее свѣдѣніе и дать знать государственнымъ чинамъ, что такія хитрыя затѣванія и намѣренія были заводимы, кои имѣли цѣлью не иное кромѣ раздробленія государства, опасности для Короля и упадка королевской власти, угнетенія и гибели вѣрныхъ подданныхъ, Мы признали, что таковое опасное положеніе, непріятелемъ подкрѣпляемое и междуусобною бранью, раздоромъ и своенравными видами долгое время содержанное, необходимо требуетъ, дабы мы и государственные чины изобрѣли столь дѣятельныя мѣры, которыя могли бы теперь прекратить, а на предбудущее время препятствовать и отвращать столь неслыханныя и дерзкія предпріятія и смѣлые умыслы, посему полагали мы съ государственными чинами, что для достиженія таковой какъ для насъ, такъ и для нихъ достойной цѣли, нужно будетъ дать основаніямъ правленія такую опредѣлительность и силу, коими независимость, честь и достоинство можно

---

[1]) Оффиціальный переводъ.—Этотъ актъ явился послѣдствіемъ заговора извѣстнаго подъ именемъ Аньяльской конфедераціи, во время войны Швеціи съ Россіей въ 1788 г. (См. Ординъ, Покореніе Финляндіи, томъ I, главы IV—VI).

довести до высоты, достиженной нашимъ возлюбленнымъ отечествомъ при достопохвальномъ правленіи прежнихъ королей и при мужественномъ и единогласномъ содѣйствіи вѣрныхъ подданныхъ. И какъ притомъ общій гласъ крайне требовалъ и ускорилъ сіе намѣреніе наше, то мы по таковымъ причинамъ и поводамъ, согласясь съ государственными чинами утвердили и опредѣлили сей актъ соединенія и безопасности, нами всемилостивѣйше одобренный и конфирмованный по буквальному онаго содержанію и поколику оный согласенъ съ даннымъ впослѣдствіе времени на тотъ актъ утвержденіемъ, отъ слова до слова какъ слѣдуетъ.

Актъ соединенія и безопасности.

Дабы на всегдашнія времена отвращать отъ насъ и любезнаго намъ отечества сильныя потрясенія, которыя виною нѣкоторыхъ особъ, влекомыхъ самолюбіемъ и желаніемъ владычествовать помощію тайныхъ пронырствъ и чужестранными, также завистью и несогласіемъ въ четырехъ состояніяхъ народа вперяемыми, столь часто подвергали опасности государство и его твердость, также и общее спокойствіе и которые производили раздоры не только между подданными, но также между государемъ и націею; и дабы можно было опредѣлить единожды на всегда утвердительныя правила, на коихъ законъ для управленія государствомъ долженъ основываться, равно для отвращенія впредь сей неясности и одностороннихъ прибавленій, угодно было всемилостивѣйшему королю нашему какъ ему самому, такъ и его потомкамъ условиться съ нами слѣдующимъ актомъ соединенія и безопасности.

Пунктъ 1-ый. Признаемъ имѣть Короля наслѣдственнымъ, который совершенно властенъ управлять государствомъ, пещись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе, по благо-

усмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, наблюдать законы, въ судахъ хранить порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы признанные королемъ полезнѣйшими.

Пунктъ 2-й. Мы признаемъ себя подданными вольностію наслаждающимися, подверженными законамъ и безопасностію пользующимися, подъ законно-увѣнчаннымъ королемъ, который согласно съ постановленными законами Швеціи нами управляетъ. Въ качествѣ подданныхъ равную вольность имѣющихъ, мы должны всѣ пользоваться подъ осѣненіемъ законовъ одинакими преимуществами, а потому верховный судъ королевской, судебныхъ и ревизіонныхъ дѣлъ, въ которомъ Король два голоса имѣетъ, долженъ быть составленъ какъ изъ дворянъ, такъ и не дворянъ; число государственныхъ чиновниковъ сего судилища будетъ впредь совершенно зависѣть отъ воли Короля. Его Величество намѣренъ также, чтобъ всѣ какъ высшіе, такъ и нижніе отъ несправедливости были предохранены и чтобъ никто не могъ претерпѣть наказанія тѣлеснаго, лишиться чести и имѣнія безъ слѣдствія въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ и по законномъ его обличеніи въ преступленіи.

Пунктъ 3-й. Нація совершенно равною свободою пользующаяся, одинакія преимущества имѣть должна, а потому всѣ сословія имѣть должны равныя права, владѣть и пріобрѣтать земли въ общемъ ихъ отечествѣ, съ тѣмъ однако, чтобъ дворяне сохранили древнее свое право на положеніи до сихъ поръ основанномъ и извѣстномъ, владѣя дворянскими свободными землями и именуемыми: сетерея, ро и рёрсъ-гейматы и инсокне (гейматы внутри прихода находящіеся въ Сканіи, Голландіи и Блекингенѣ). Въ прочемъ не позволяется никакой перемѣны относительно древняго свойства земель фрельзовыхъ, скатовыхъ и коронныхъ. Обязанность снабжать путешественниковъ лошадями (выставка подводъ) распредѣляется также на всѣ гейматы, выключая сетерей, ро и рёрсъ-гейматы, инсокне-гейматы, и бостели отъ него освобожденные. Право крестьянъ пріобрѣсти коронные гейматы и скатовое владѣніе, съ особеннымъ за то еди-

новременнымъ платежемъ, и владѣть оными спокойно утверждено особеннымъ постановленіемъ сего числа, которое повелѣніе столь же дѣйствительно и ненарушимо какъ бы въ настоящій актъ включено было.

Пунктъ 4-й. Верховные чины и первыя достоинства государства и придворныя мѣста имѣютъ только заняты быть дворянствомъ. Впрочемъ способности, заслуги, опытность и дознанныя гражданскія добродѣтели суть единыя средства къ достиженію какъ нижнихъ, такъ и вышнихъ мѣстъ въ государствѣ, не взирая на породу и состояніе. Если жъ не дворянинъ возведенъ будетъ въ дворянское достоинство, то онъ не можетъ удержать за собою ту должность, которую онъ яко не дворянинъ для храненія правъ недворянскаго состоянія (или мѣщанства) прежде получалъ и занималъ.

Пунктъ 5-й. Поелику истинная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ непринужденную приносить подать, которая необходимою признана будетъ для содержанія государства, то народъ имѣетъ неоспоримое право разсуждать объ ономъ съ Королемъ, соглашаться, отказывать или вновь дѣлать условія.

Пунктъ 6-й. Государственные чины въ теченіи сейма должны только заниматься тѣми предметами, кои предлагаются Королемъ, какъ до 1680 г. въ обыкновеніи было.

Пунктъ 7-й. Преимущества дворянства и духовенства 1723 г., также права и привилегіи городовъ совершенно подтверждаются во всѣхъ статьяхъ, которыя состоящемуся днесь акту не противны.

Пунктъ 8-й. Всѣ шведскіе государи при вступленіи на престолъ должны собственноручно подписать сей актъ соединенія и безопасности. Всякое предложеніе или покушеніе къ малѣйшей перемѣнѣ, равно толкованіе или поправленіе буквальнаго его смысла совершенно возбраняется. Въ случаѣ пересѣченія царскаго поколѣнія, избранный Король будетъ пользоваться всѣми здѣсь описанными преимуществами и обяжетъ себя наблюденіемъ оныхъ безъ малѣйшей перемѣны.

Пунктъ 9-й. Образъ правленія 21-го августа 1772 г. остается въ своей силѣ во всемъ томъ, что симъ актомъ не отмѣнено.

Дано въ Стокгольскомъ замкѣ 21-го числа февраля въ 1789 г. послѣ Рождества Христова.

Со стороны рыцарскаго и дворянскаго сословія К. И. Левенгауптъ, теперешній земскій маршалъ.

Со стороны духовнаго сословія Яковъ - Аксель Линдбломъ епископъ въ Линкёпингѣ, на мѣсто оратора

Со стороны мѣщанскаго сословія Андерсъ Лидбергъ, ораторъ.

Со стороны крестьянскаго сословія Оловъ Ольсонъ ораторъ.

Выписанный актъ соединенія и безопасности принимаемъ мы для насъ и наслѣдниковъ нашихъ шведскаго престола, яко неотмѣнный и неопровергаемый коренной законъ, коего буквальный смыслъ имѣетъ быть исполняемъ безъ перемѣны, толкованія или нарушенія: а посему всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобы всѣ, кои намъ, наслѣдникамъ нашимъ и имперіи [1]) подвластны, должны признавать сей актъ соединенія и безопасности, наблюдать и исполнять буквальное его содержаніе и повиноваться оному. При чемъ упоминается, что всѣ суды какъ въ высшихъ, такъ и въ нижнихъ судилищахъ и всѣ младшія должностныя лица, не имѣющія достоинства достовѣрныхъ особъ (Tromans värdighet) или не участвующіе въ земскомъ правленіи не должны лишаться своихъ мѣстъ безъ суда и рѣшенія по закону и военнымъ артикуламъ. Что касается до выставки подводъ, то ландбауеры дворянства и всѣ фрельсовые гейматы (utsockne hemman) должны брать равное съ коронными и скатовыми гейматами участіе въ выставкѣ подводъ подъ королевскіе транспорты и на гастгеберства, какъ обыкновенныхъ такъ и резервныхъ, равно въ военное время, когда крайняя нужда требуетъ уравненія и когда войско идетъ походомъ чрезъ государство, или когда отправляется, провіантъ, аммуниція и одежда въ армію, крѣпости и магазейны. И какъ мы

[1]) Слово «имперіи» употребилъ финляндскій переводчикъ. Слѣдуетъ «государству—Riket».

нынѣ утвердили привилегіи рыцарства и дворянства 1723 г., кои въ образѣ правленія 1772 г. не признаны яснымъ образомъ, то повелѣваемъ, чтобы они сохраняемы были въ предбудущее время въ полной силѣ своей, равномѣрно мы симъ утверждаемъ привилегіи духовенства 1723 г. и данное нами вновь 2 марта сего года увѣреніе обще съ нѣкоторыми правами и преимуществами пожалованными нами 23 февраля городамъ государства и присвоенными 23-го же февраля государственному крестьянству.

Перевелъ надворный совѣтникъ фонъ-Виттъ.

